

Издается с 1996 г.

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЯ

Е.Ф. Афанасьева. Эвенки — коренной народ Бурятии3**А.Ю. Пяткова (Пастухова).** Коренные народы Севера в XX веке
(на примере эвенков северо-востока Иркутской области) 14

ЭТНОЛОГИЯ

Н.В. Монго. Декоративное искусство эвенков (по материалам
Этнографического музея народов Забайкалья)23**Л.С. Баханова.** Народная медицина эвенков28**А.А. Воронина.** Экологическое сознание эвенков в обычаях31**Т.Г. Старостина.** Детская люлька эвенков35**А.А. Павлов.** Эвенкийские амулеты в фондах Братского городского
объединенного музея истории освоения Ангары40

ФИЛОЛОГИЯ

А.А. Воронина. Эвенкийская тематика в рассказах «Царь-рыба»

В. Астафьева44

С.В. Гомбоева. Эвенкийские элементы в фольклоре хамниган49

ПО СЛЕДАМ ЭКСПЕДИЦИЙ

М.Г. Туров. Письма с Угрюм-реки (записи из полевого дневника
2005 года)53**А.А. Сирина, Г. Фондад.** Призрак нефтепровода: история об эвенках
Северного Прибайкалья70

У НАС В ГОСТЯХ

В.Н. Козулин. Музей народов Севера Бурятии82

КОНФЕРЕНЦИИ, ПРАЗДНИКИ90

НОВЫЕ КНИГИ91

ЛИТЕРАТУРНЫЕ СТРАНИЧКИ

Эвенкийские сказки93

НА ДОСУГЕ

Л.Г. Чинагина. Игры и развлечения эвенков97

Учредитель и издатель: ГУК Архитектурно-этнографический музей «Тальцы»

ЛР 040958 от 01.04.99. АЭМ «Тальцы»

Россия, 664003, г. Иркутск, ул. Грязнова, 22. Тел. (8–3952) 24–31–82

Редакционная коллегия: канд. филол. наук Г.В. Афанасьева-Медведева, канд. ист. наук Т.А. Крючкова, канд. ист. наук Ю.П. Лыхин (отв. секретарь), А.К. Нефедьева, канд. культурологии В.В. Тихонов (гл. редактор)

Редактор-составитель номера: А.В. Сакович

Редактор: Г.Д. Лопатовская

Оригинал-макет: С.Г. Червякова

Подготовка к печати: ООО «Репроцентр А1»

Свидетельство о регистрации № И-0236 от 21 декабря 1995 г., выдано Региональной инспекцией по защите свободы печати и массовой информации.

Адрес редакции: Россия, 664003, г. Иркутск, ул. Грязнова, 22. Тел. (8–3952)24–31–82, факс (8–3952)24–31–46, e-mail: talci@irk.ru

На обложке:

С. 1 — Эвенкийский чум. Фото В. Гуляева

С. 2 — Дети Ханды. Фото В. Гуляева

С. 3 — На реке Ханде. Фото В. Гуляева

— Сушка сетей. Фото В. Гуляева

С. 4 — Летом. Фото В. Гуляева

Подписано в печать 14.09.09. Формат 60x90 1/16. Бумага офсетная. Печать офсетная. Усл. печ. л. 6,25. Уч.-изд. л. 5,55. Тираж 1 000 экз. Заказ № 7027. Цена свободная.

Отпечатано в ООО «Репроцентр А1», г. Иркутск, ул. Александра Невского, 99/2, тел.: 540–940.

ЭВЕНКИ — КОРЕННОЙ НАРОД БУРЯТИИ

*Елизавета Федоровна Афанасьева,
кандидат филологических наук,
доцент Бурятского государственного
университета, заслуженный работник
образования Республики Бурятия,
г. Улан-Удэ*

Эвенки — одна из многочисленных этнических общностей Севера, Сибири и Дальнего Востока. По данным переписи 2002 года, в Российской Федерации их проживает 35 тысяч. Несмотря на сравнительную малочисленность, эвенки по размерам освоенных ими территорий превосходят все другие коренные сибирские народы. О размерах этих территорий свидетельствует сегодняшнее расселение эвенков от побережья Охотского моря на востоке до Обско-Иртышского междуречья на западе, от Северного Ледовитого океана на севере до Прибайкалья и реки Амура на юге. В Тюменской области это Красноселькупский район, в Томской — Каргасокский, Верхне-Кетский районы, в Красноярском крае — Туруханский район, Сымский сельсовет Енисейского района, в Эвенкийском автономном округе — Байкитский, Илимпийский, Тунгусо-Чунский районы, в Таймырском автономном округе — Дудинский район, в Иркутской области — Катангский, Качугский, Казачинско-Ленский районы, в Читинской области — Каларский, Тунгиро-Олёкминский, Тунгокоченский районы, в Амурской области — Зейский, Селемджинский, Тындинский районы, в Республике Бурятия — Баргузинский, Курумканский, Баунтовский, Северо-Байкальский, Муйский районы, в Республике Саха (Якутия) — Олёкминский, Нерюнгринский, Усть-Майский, Оленёкский, Жиганский, Алданский районы, в Приморском крае — Лазовский, Красноармейский районы, в Хабаровском крае — Аяно-Майский, Верхнебуреинский, Николаевский, Тугуро-Чумиканский районы, в Сахалинской области — Виахтинский сельсовет Александровск-Сахалинского района, Рыбновский район. Живут эвенки также на северо-востоке Китая (отроги хребта Хинган), в Эвенкийском хошуне Автономной Республики Внутренняя Монголия Китайской Народной Республики, в Монголии

(около оз. Буир-Нур и в верховьях р. Иро). Столь широкое расселение эвенков при относительно небольшой их численности, по словам известного этнографа В.А. Туголукова, представляет собой уникальное явление в истории человечества (4, с. 4).

Несмотря на большую территориальную разбросанность, у эвенков наблюдается несомненная общность в основных элементах языка, хозяйстве, материальной и духовной культуре, при этом многочисленные локальные группы практически не имели и сегодня не имеют постоянных хозяйственных, социальных и информационных связей между собой.

Этническая же история эвенков свидетельствует об их активных хозяйственных и культурных связях с другими народами. Китайцы звали эвенков килин, цилин, о-лунь-чунь (от слова «орочон»), маньчжуры — орончун, ороchon, уорончо, ханты — келлем, селькупы — джумал-куп, помпэк, кеты — фунбау, монголы — хамнеган (хамныган), западные буряты — калджакшин, татары и якуты — тонгус, нижеамурские тунгусоязычные народы (орочи, ульчи, негидальцы, нанайцы) — киле, килэн. Устаревшее русское название — тунгусы. До утверждения официального названия (30-е гг. XX в.) — эвенки — термин «тунгус» был широко распространен как в отечественной, так и в зарубежной литературе. Эвенки называют себя эвэнки, ороchоны, илэ, мата, тунгусы.

Вопросы этногенеза эвенков интересовали и до сих пор интересуют многих исследователей. Одни ученые делали свои выво-

Богатый улов. Фото В. Гуляева

Нимат — общественный дележ рыбы. Фото В. Гуляева

ды о происхождении этноса исходя из собранного лексического материала, другие — из антропологических данных, третьи — из данных археологических открытий. Так, по одной из версий, эвенки расселились из Среднего Приамурья, по другой — из Южного Прибайкалья, Забайкалья и с примыкающих к ним территорий Северной Монголии. «Известный исследователь этногенеза тунгусо-маньчжурских народов С.М. Широкогоров местом формирования тунгусов определил междуречье Хуанхэ и Янцзы» (5, с. 13).

В этнографической науке эти разные точки зрения обсуждались, опровергались, появлялись новые антропологические, археологические данные, материалы по языку, фольклору, традиционным верованиям и обрядам эвенков, по топонимике и этнонимике Сибири. Имевшиеся материалы, археологические исследования А.П. Окладникова, а также многочисленные экспедиции к различным группам эвенков, личный накопленный материал по материальной и духовной культуре эвенков позволили известному тунгусоведу Г.М. Василевич, посвятившей проблеме этнической истории эвенков большую часть своей научной деятельности, считать прародиной тунгусов Южное Прибайкалье. Ею в этногенезе тунгусо-маньчжурских народов было выделено три этапа — алтайский, тунгусо-маньчжурский и тунгусский (2, с. 39–41).

Починка рыболовной снасти. Фото В. Гуляева

Начало становления тунгусского этноса, по мнению Г.М. Василевич, происходило в среде охотников неолита, в период выделяемой байкальской культуры, которой соответствовала алтайская языковая общность. Прототунгусы-охотники освоили горно-гольцовые местности Южного Прибайкалья, а первые скотоводы (предки монголов и тюрков) — степные участки. О том, что существовал общий алтайский языковой пласт, свидетельствуют материалы лингвистики, этнонимии, фольклора тунгусо-маньчжурских, монгольских и тюркских народов.

Тунгусо-маньчжурский этап начался после отделения этой первой группы. Оставшиеся прототунгусы продолжали осваивать горную тайгу вокруг Байкала. Именно в данный период, считала Г.М. Василевич, выработался «тот тунгусский комплекс, который всегда отличал тунгусоязычные народы Сибири от всех остальных народов». Это составной костюм — распашной кафтан, нагрудник, покрывающий грудь и живот, натазники, ноговицы (меховые чулки), унты. В языках этих оставшихся на прародине народов также выработались общие элементы, как в лексике, так и в грамматике.

Третий, тунгусский, этап формирования тунгусского этноса характеризуется широким освоением территории Восточной Сибири, расселением на запад и восток от Байкала. И это произошло,

по мнению Г.М. Василевич, в результате выхода первых тюрков к Байкалу на рубеже нашей эры. Но данное утверждение ученого не подтвердилось последующими исследованиями. По археологическим данным, тюркские племена появились в Прибайкалье только в середине I тысячелетия нашей эры. Следовательно, массовое расселение пратунгусов началось с появлением в Прибайкалье монголоязычных скотоводов. В результате расселения произошло разделение пратунгусов на две группы — общесибирскую и нижеамурскую. С этого времени тунгусы Сибири стали развиваться вне связей с нижеамурскими тунгусами (нанайцами, орочами, ульчами).

Тунгусы Сибири (эвенки и эвены) по мере расселения разделились на западную и восточную группы, которые отличались и по языку: западная, ангаро-прибайкальская — с шипящим диалектом; восточная, забайкальско-амурская — с сибирянтно-спирантным диалектом. Эти группы стали контактировать с соседями. На Лене и Алдане они взаимодействовали с якутами, на западе — с енисейцами (коттами, ассанами, аринцами, кетами и др.), на северо-западе — с самоедами. Такие контакты оказали влияние на образование различных говоров и появление новых элементов культуры у отдельных групп тунгусов. Сложилась и различные хозяйственно-культурные общности: эвенки пешие (охотники), оленные (оленоводы) и конные (скотоводы).

Разделка рыбы для вяления. Фото В. Гуляева

Пешие эвенки осваивали локальные районы Сибири и не передвигались на большие расстояния. Ведя бродячий образ жизни, они оседали на крупных реках и озерах, на морских побережьях. Здесь они в совершенстве освоили рыболовство, в то же время не оставляли и охоту.

За оленными эвенками в литературе закрепилось самоназвание «орочён» или «орочон» в значении «оленовод», «оленный». Название первоначально не было связано с оленями, а обозначало жителя местности Оро — одного из средних притоков Амура и его бассейна, т. е. имело дооленоводческое происхождение. Оленеводство же появилось у большинства эвенков, как считала Г.М. Василевич, уже после расселения их по тайге. Оно было двух типов: эвенкийского и орочонского. Первый тип — эвенкийский — был распространен среди потомков ангарских эвенков, живших по правым притокам Ангары и к западу от Енисея, среди подкаменнотунгусских, верхнеленских, нижнетунгусских, частично илимпийских, верхнеангарских, северобайкальских, урмийско-амгуно-чумиканских, амгуно-алданских групп. Эвенки этих групп обычно держали небольшое оленье стадо, предназначенное лишь для перевозки вьюков, уход за оленями осуществлялся только в летний период и считался женским делом, мужчины верхом на олене не ездили, на охоту уходили пешком или с вьючным оленем, не было верхового седла. Орочонский тип был распространен у эвенков, кочевавших по бассейнам Витима, Олёкмы, Алдана (верховья), Зеи и других верхних притоков Амура и по отрогам Хингана. К северу и северо-западу этот тип хозяйствования встречался в верховьях Вилюя, Оленёка и к северу от Нижней Тунгуски. Стадо оленей у этих групп было более многочисленным, хозяйственный год полностью определялся условиями ухода за оленями, за стадом следили мужчины, во время перекочевков и на охоте ездили на оленях, имели специальные верховые и вьючные седла.

Конные тунгусы (скотоводы, самоназвание «мурчены») заселяли лесостепи и степи от западного побережья Байкала до верховий Амура на востоке и от долины Баргузина и Кучидских озер на севере до Аргуни и степей современной Монголии на юге. О них русские впервые узнали в 40–50-х годах XVII века после походов Колесникова, Петра Бекетова, Ивана и Якова Похабовых в Прибайкалье. Конные тунгусы были объединены в несколько крупных групп по уплате ясака: баргузинские, нерчинские, селенгинские, иройские, армакские, иркутские. По данным Б.О. Долгих, в 1700 году их насчитывалось 6,7 тысячи человек. Главными занятиями были скотоводство и охота. Но степень развития скотоводства и его роль в хозяйстве, по мнению В.А.

Туголукова, были неодинаковы у различных групп. В результате этнических процессов конные тунгусы смешались с монголоязычными соседями и русскими. Лишь баргузинские тунгусы до сих пор считают себя мурченами. По данным переписи 2002 года, их 461 человек.

Исконный вид хозяйственной деятельности у всех эвенков — охота. Распространение тех или иных видов диких зверей определяло как способы охоты, так и маршруты кочевания за зверем. Так, на западе преобладала охота с луком, на востоке — охота с самострелами и петлями. Позднее лук сменился ружьем, появились русские ловушки (пасти, кулемы, плашки). Преобладала индивидуальная охота, коллективная — группой в два–четыре человека, проводилась только на копытного зверя и на медведя. Был распространен нимат — коллективный дележ добытого мяса. Результатами же пушного промысла пользовалась только семья охотника, на меха обменивались ружья, охотничьи принадлежности, продукты.

**Охотники-эвенки с добычей.
Фото В. Гуляева**

Морская охота была распространена среди пеших эвенков Охотского побережья и прибайкальских эвенков (ламучеров), которые охотились на нерпу.

Свою концепцию об этногенезе тунгусов Г.М. Василевич не успела довести до конца и опубликовать. Ее огромная по объему рукопись «Материалы языка, фольклора и этнографии к проблеме этногенеза тунгусов» находится в фондах архива Санкт-Петербургской части Института этнографии РАН.

Появляются новые материалы по алтайскому языкознанию, антропологии, археологии, изменяются методологические приемы в изучении этно-

Эвенкийское охотничье зимовье. Фото В. Гуляева

графических реалий, в проведении этногенетических исследований и т. п., соответственно, появляются новые, весьма спорные точки зрения на происхождение эвенков. И сегодня, как отмечает М.Г. Туров, «перед исследователями стоит все тот же набор вопросов: где локализуется „историческая прародина“ эвенков, где проходит грань между „миграционистским“ и „автохтонным“ компонентами в формировании эвенкийских (этнических) и инородных (заимствованных извне, этнографических) компонентов?» (5, с. 21). На все эти вопросы научному миру надо еще найти ответы.

На территории современной Бурятии, по данным переписи 2002 года, проживают 2 334 эвенка. Местами их компактного проживания считаются Баунтовский, Курумканский, Баргузинский, Северобайкальский, Муйский районы.

Об этнической истории и культуре баргузинских тунгусов — мурченгов, северобайкальских оседлых ламучеров, баунтовских орочнонов путешественниками, учеными написано немало работ. Среди них отметим труды Н.М. Добромыслова, В. Неупкоева, Е.М. Залкинда, Л. Огинта, М.Г. Воскобойникова, Н.Н. Гладковой, А.С. Шубина, В.В. Беликова, В.А. Туголукова. Так, С.П. Крашенинников, побывавший в Баргузине в 1735 году, отмечал, что «они (баргузинские эвенки) не по родам, но где кому угодно кочуют. Житие и вера от нерчинских ничем не разнествуует» (1). О проис-

хождении родов баунтовских оленных эвенков писал С.М. Широкогоров, побывавший у них в 1911 году.

Богатый фольклорный материал баргузинских эвенков исследовал доктор филологических наук, профессор ЛГПИ имени А.И. Герцена М.Г. Воскобойников. О фонетических, морфологических, лексических особенностях говоров эвенков Бурятии писали Н.Н. Поппе, В. Котвич, М.Д. Симонов, Д.М. Берелтуева, Е.Ф. Афанасьева, С.Л. Чареков и др.

В связи со сложившейся в республике острой ситуацией по сохранению, возрождению и развитию языков народов Бурятии создана нормативно-правовая база: действуют законы «Об образовании» (1992), «О языках народов Республики Бурятия» (1992), разработан план республиканских мероприятий по реализации закона «О языках народов Республики Бурятия» на 2005–2008 годы.

В 1990-х годах были созданы районные и республиканские ассоциации эвенков. В начале апреля 2005 года в Улан-Удэ состоялась V отчетно-выборная конференция Ассоциации коренных малочисленных народов севера Бурятии. На ней с просьбой о принятии в члены ассоциации выступили хамниганы села Мыла Закаменского района, заявившие о себе во Всероссийской переписи населения 2002 года как эвенки-хамниганы, всего 419 человек. О том, что они потомки эвенков бывшей Армакской управы, получена справка из Института этнографии и антропологии РАН (г. Москва).

В 1990-х годах также были созданы национальные культурные центры в селах Алла, Улюнхан, Багдарин, городе Нижнеангарске, затем республиканский центр эвенкийской культуры «Арун» в Улан-Удэ. Они проводят национальные праздники «Больдер», «Бакалдын», республиканские конкурсы девушек «Сиңилгэн», юношей «Гарпаликан», «Искры семейного очага», на которых с каждым годом увеличивается число конкурсантов, что свидетельствует о возрастающем интересе населения, особенно молодежи, к национальной культуре своего народа.

С 2000 года ежегодно стали проводиться республиканские школьные олимпиады по эвенкийскому языку, и дважды ее победителями становились школьники 11-х классов, которые затем вне конкурса поступали на эвенкийское отделение Национального гуманитарного института Бурятского государственного университета.

В республике еженедельно ведутся радиопередачи студии «Биракан» и телепередачи студии «Улгур» на эвенкийском языке.

Одной из важнейших областей функционирования языка является образовательная сфера. Поэтому по инициативе Бурятского педагогического института имени Д. Банзарова (ныне Бурятский

Сбор ягод. Фото В. Гуляева

государственный университет) в 1991 году был произведен набор абитуриентов эвенкийской национальности по специальности «учитель русского языка и литературы, эвенкийского языка и литературы». За 14 лет сделано девять выпусков, дипломы учителей русского и эвенкийского языков получили около 40 человек. Наши выпускники работают в школах республики, Читинской области. В настоящее время на эвенкийском отделении Национального гуманитарного института Бурятского государственного университета обучаются студенты из пяти районов республики, а также из Каларского района Читинской области и Катангского района Иркутской области.

Для дальнейшего развития эвенкийского языка большое значение имеет обеспеченность учащихся школ, студентов университета, учителей всех видов учебных заведений учебными пособиями и методическими материалами. В этом плане в республике идет определенная работа. В издательстве Бурятского государственного университета «Бэлиг» Министерства образования Республики Бурятия, Бурятском государственном издательстве вышли эвенкийско-русский тематический словарь, словарь для учащихся начальных классов, сборник загадок, пословиц, поговорок «Юктэ», сборник сказок «Бугады ороп — Небесные олени» на эвенкийском

и русском языках, библиографический указатель «Эвенки: язык, фольклор, литература, этнография», учебные и учебно-методические пособия по фонетике эвенкийского языка для вузов (автор этих изданий канд. филол. наук, доц. БГУ Е.Ф. Афанасьева), программа и прописи по эвенкийскому языку для 1-го класса, методические рекомендации «Активизация словарного запаса учащихся начальной школы на уроках эвенкийского языка» (автор канд. пед. наук, методист Бурятского института повышения квалификации работников образования Е.Д. Миронова), «Биракан» — книга для внеклассного чтения в эвенкийской школе (составитель канд. ист. наук В.В. Беликов), программа по эвенкийскому языку для 5–9-х классов (автор учитель высшей категории Дыренской средней школы Курумканского района А.Ц. Майоров). Согласно утвержденному плану республиканских мероприятий по реализации закона РБ «О языках народов Республики Бурятия» намечен и ряд других изданий учебно-методической и художественной литературы.

В целом же, чтобы и в дальнейшем развивать эвенкийский язык, необходимы усилия как государственных органов власти, так и самих представителей эвенкийского народа. Пока жив этот древний народ, будет жить и эвенкийский язык.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. Архив РАН. Ф. 21. Оп. 5. Д. 131. Л. 29.
2. Василевич Г.М. Эвенки: историко-этнографические очерки (XVIII — начало XX в.). Л., 1969.
3. Долгих Б.О. Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII в. Л., 1960.
4. Туголуков В.А. Тунгусы (эвенки и эвены) Средней и Западной Сибири. М., 1985.
5. Туров М.Г. К проблеме этногенеза и этнической истории эвенков // Этнографическое обозрение. 1998. № 3. С. 12–25.

КОРЕННЫЕ НАРОДЫ СЕВЕРА В XX ВЕКЕ

(НА ПРИМЕРЕ ЭВЕНКОВ СЕВЕРО-ВОСТОКА
ИРКУТСКОЙ ОБЛАСТИ)

*Анастасия Юрьевна Пяткова (Пастухова),
ассистент кафедры всемирной истории
Иркутского государственного
педагогического университета,
г. Иркутск*

XX век — время всеобщей перестройки жизни на Севере: культурная революция и индустриализация в значительной степени изменили быт коренного населения северных районов России. Эти страницы истории до сегодняшнего дня остаются мало изученными, в особенности жизнь небольших этнических групп, таких как эвенки северо-востока Иркутской области.

Район данного исследования совпадает с границами Байкало-Патомского нагорья — территории исторического проживания и кочевков эвенков, составлявших некогда единую компактную группу. Исходя из исследований Б.О. Долгих (1960), А.Т. Самохина (1927), Е.И. Титова (1923), можно говорить о том, что эта группа эвенков первоначально представляла собой конгломерат выходцев с севера Байкала и северо-востока Олёкминского края (киндигиры, чильчагиры). Административное деление региона в течение первой половины XX века неоднократно изменялось. В настоящее время изучаемая область включает Бодайбинский, Мамско-Чуйский (выделился в 1951 г.) районы Иркутской области.

Под лозунгом ликвидации безграмотности, поднятия уровня образования, перевода с кочевого образа жизни на оседлый и развития экономики в целом советским правительством насаждался полный государственный контроль за жизнью коренных народов Севера.

Вопросы национальной политики в отношении коренных народов Севера освещены в трудах: История и культура коряков (общ. ред. А.И. Крушанов) (1993); Мельникова Л.В. Тофы: историко-этнографический очерк (1994); История и культура орочей: историко-этнографические очерки (отв. ред. В.А. Тураев) (2001);

Сирина А.А. «Катангские эвенки в XX веке: расселение, организация среды жизнедеятельности (2002); и др.

Начало проведения национальной политики в отношении коренных народов было положено в 20-х годах XX века. В 1924 году при ВЦИК СССР образован Комитет содействия народностям Северных окраин (Комитет Севера). Для изучения хозяйства, культуры и быта северных народов были организованы экспедиции в районы их расселения.

Группе исследователей, работавшей при поддержке правительственных органов, в течение семи лет удалось разработать эффективные рекомендации по переводу кочевых эвенков на оседлость. По инициативе Комитета Севера в 1926–1927 годы была осуществлена Приполярная перепись населения северных окраин. В результате была получена важная информация о жизни и хозяйственной деятельности малочисленных народов Севера, проживающих на территории России. Материалы переписи послужили научной основой для организации учреждений культуры, просвещения, здравоохранения, а также для проведения землеустройства, национального районирования и других мероприятий. Кроме того, перепись позволила обеспечить более полный сбор государственного налога — пушнины.

Данные Приполярной переписи были обработаны и изложены в статистическом очерке А.Т. Самохина, где, в частности, говорилось: «Бодайбинский район был издавна населен тунгусами. Позднее сюда перекочевали якуты, поселения которых прочно укрепились в районе бассейнов Витима, Олёкмы, Чары. Затем, с открытием Бодайбинско-Олёкминской золотопромышленной системы, Бодайбинский район быстро стал заселяться приисковым русским населением. Шумная ватага русских золотоискателей, густо осевших по притокам р. Жуи и Витима, сильно потеснила как охотников-тунгусов, так и якутов. Поскольку позволяли местные природные условия, часть бродячих тунгусов перекочевала в пределы нынешней Бурят-Монгольской Республики и северо-западных земель бывшей Забайкальской области. Другая часть выдержала натиск русских пришельцев, уходя со своими кочевками в нетронутые просторы бодайбинской тайги, но постепенно была втянута в орбиту новой экономики» (1).

А.Т. Самохин, основываясь на данных переписи, сделал вывод о том, что к концу 20-х годов XX века большинство эвенков Мамско-Бодайбинского района уже нельзя было отнести к кочевым или бродячим народам.

Перепись проводилась по трем стойбищам Бодайбинского района: Мамакан, Толондо и Хомолхо. Состав тунгусского населения был следующим:

Стойбище	Число хозяйств	Число мужчин	Число женщин	Всего населения, человек	Среднее количество человек в семье
Мамакан	13	28	20	48	3,7
Толондо	4	6	4	10	2,5
Хомолхо	24	63	51	114	4,8
Итого	41	97	75	172	3,7

Данные свидетельствовали о крупном перевесе мужского населения над женским, что, по мнению Самохина, ставило под сомнение жизнеспособность бодайбинских тунгусов. Однако по результатам Приполярной переписи оказалось невозможным составить полной картины о тунгусском населении, так как за основу исследования была взята жизнь нескольких стойбищ, в то время как значительная часть тунгусов кочевала по рекам Большому Патому, Малому Патому, Чаре, Ваче, мелким речкам и ручьям. Поэтому вопрос о количестве тунгусского населения так и остался открытым.

Кроме информации о количественном и качественном составе тунгусского населения в ходе переписи были собраны сведения о культурной составляющей жизни тунгусов: их занятиях, языке и т. д.

В своем статистическом очерке А.Т. Самохин также систематизировал данные о роде занятий эвенкийского населения. По преимуществу эвенкийское хозяйство являлось промысловым. Основным занятием эвенков Мамско-Бодайбинского района, которые вели кочевой и полукочевой образ жизни, была охота на пушного зверя: соболя и белку. Имело место и оленеводство, но оно было распространено в меньшей степени: на изучаемой территории не отмечалось ни одного крупного оленеводческого хозяйства. Масштабы оленеводства можно проследить по следующей таблице:

Стойбище	Общее число хозяйств	Число хозяйств с оленями	Количество оленей		
			всего голов	взрослых	молодняка
Мамакан	13	6	74	56	18
Толондо	4	3	21	13	8
Хомолхо	24	13	109	72	37
Итого	41	22	204	141	63

Данная таблица показывает, что эвенки Мамско-Бодайбинского района не располагали крупными стадами оленей. Большинство хозяйств (67 %) не насчитывали даже десятка голов.

В результате переписи были получены сведения о языке коренных народов. Эвенки Байкало-Патомского нагорья в 1920-х го-

дах говорили на эвенкийском наречии, общем для всех учтенных эвенков. Многие легко изъяснялись на якутском языке. Встречались случаи, когда эвенки считали своим родным языком якутский (информатор И.А. Корякин, 1949 г. р.). Здесь, очевидно, сказалось близкое соседство эвенков с якутами.

Что касается русского языка, то он был распространен далеко не по всем эвенкийским стойбищам. Это подтверждают сведения А.Т. Самохина о количестве эвенков, говоривших на русском языке:

Стойбище	Общее количество населения обоого пола, человек	Говорит на русском языке		
		всего	мужчин	женщин
Мамакан	48	8	5	3
Толондо	10	8	5	3
Хомолхо	114	63	40	23
Итого	172	79	50	29

Менее всего русский язык был распространен среди населения стойбища Мамакан, находившегося всего в 32 километрах от города Бодайбо. Самый высокий процент говорящих по-русски наблюдался по стойбищу Толондо, население которого было занято в лесозаготовках на прииске Светлый. Сравнительно много эвенков со стойбища Хомолхо было знакомо с русским языком. Эти эвенки в свое время общались с жуинским приисковым населением и в конце 1920-х годов были задействованы в работе Мачинской ярмарки. В среднем в данных трех стойбищах по-русски на 1927 год говорило 45,9 %.

Грамотность среди коренного населения Байкало-Патомского нагорья в начале XX века была явлением редким. Только на крупных стойбищах встречались грамотные люди. В данном случае речь идет о «русской» грамотности, поскольку наиболее сильное культурно-экономическое влияние на эвенков оказывало именно русское население. В отчете А.Т. Самохина приводятся следующие цифры на этот счет:

Стойбище	Количество населения обоого пола, человек	Грамотное население, человек		
		всего	мужчин	женщин
Мамакан	48	–	–	–
Толондо	10	1	1	–
Хомолхо	114	6	4	2

Низкий уровень грамотности объяснялся тем, что эвенки не имели возможности обучать своих детей в русских школах из-за большой удаленности школ от стоянок, иногда до 200 километров.

И отдавать детей в школы-интернаты у эвенков было не принято. А культурно-просветительской работы специально по эвенкийским стойбищам не проводилось. Поэтому первоочередными задачами советского правительства были объявлены ликвидация безграмотности и общий подъем культурного уровня коренного населения.

В 20-х годах XX века в различных районах Севера начали открываться так называемые культурные базы (культбазы) — учреждения, сочетавшие в одном комплексе все виды обслуживания коренного населения. Планировалось, что непременно принадлежностью каждой культбазы будут школа-интернат, дом кочевника, баня, больница, красный чум, ветеринарный пункт, слесарные и столярные мастерские.

Социально-культурные перемены в жизни эвенков можно проследить на примере одной из групп, проживавших на севере Иркутской области. Архивные данные свидетельствуют о том, что на территории Иркутского округа (ныне Иркутской области) в Бодайбинском районе (сегодня территория Бодайбинского и Мамско-Чуйского районов) с 1931 года функционировало Мамское родовое собрание. Оно подчинялось Мамскому поселковому Совету депутатов трудящихся (пос. Мама), который был образован в октябре 1930 года. Мамское родовое собрание объединяло 39 туземных (эвенкийских и якутских) хозяйств, кочевавших по территории 240 квадратных километров. Местное население кочевало по рекам Маме, Мамакану, Конкудере, Чуе, Бисяге, Делиндре — бассейн Витима.

В 1931 году на заседании Мамского родового собрания было предложено организовать в устье реки Конкудеры туземную деревню, которая должна была стать хозяйственно-культурным центром Мамского родового собрания (2).

В 1932 году раздробленное кочующее население (преимущественно эвенки) было организовано в охотничье-оленоводческую промысловую артель «Красная звезда». В 1934 году артель реорганизовали в колхоз.

Основным направлением деятельности членов артели была охота на белку и соболя. Кроме того, велась заготовка мяса диких животных, осуществлялся рыбный промысел. Побочными работами были перевозка грузов слюдоразработок и извоз на оленях в зимнее время, а также заготовка леса при золотодобывающих приисках (3).

В 1934 году был образован Конкудерский национальный (туземный) совет, который подчинялся районному Совету депутатов трудящихся (4). Тогда же активом совета было решено создать рабочие секции: финансовую, животноводческую и культурно-просветительскую (5).

В задачи культурно-просветительской секции (культсекции) входили подъем культурного уровня коренных жителей, широкая

пропаганда советской власти, привлечение местного населения к работе избы-читальни, выпуску стенгазеты, проведению ликбеза, различного рода политических кампаний и праздничных торжеств. Также работники секции осуществляли контроль над работой школы и санитарным состоянием поселка.

Вскоре после создания культурно-просветительской секции в колхозе «Красная звезда» была организована изба-читальня. Поначалу из-за нехватки квалифицированных сотрудников, отсутствия музыкальных инструментов, радио и другого необходимого оборудования возникало немало проблем. Однако в отчете о работе избы-читальни за первый квартал 1939 года говорилось о том, что было организовано четыре вечера художественной самодеятельности и девять викторин, а также проводились игры (домино, шахматы, бильярд). Деятельность культсекции этим не ограничивалась. 12 апреля 1936 года вышел первый номер стенгазеты «Новая деревня» (всего было выпущено пять номеров). В 1938 году в поселке появилось радио (6).

В функции культсекции входила также проверка санитарного состояния домов местного населения, которая проводилась один раз в пять дней. Правила гласили, что каждый колхозный двор должен иметь оборудованные помойную и уборную ямы, а к 1 мая была обязательной побелка квартир. В целях противопожарной безопасности следовало очищать лесоучасток вокруг поселка от хвороста и вершин. Повсеместно проводилась активная разъяснительная работа по правилам личной гигиены (7). Однако положительные результаты разъяснительной работы были не везде. В верховьях рек Конкудеры и Мамаы, где эвенки продолжали жить в избушках и юртах, проверяющие отмечали антисанитарное состояние: грязь и тесноту (8).

Для ликвидации безграмотности не только организовывали работу изб-читален, но и строили школы-интернаты. К 1934 году в селе Конкудера уже действовала начальная школа-интернат, где обучались дети коренных жителей. Но в документах тех лет отмечалось много недостатков в работе школы: слабая дисциплина учащихся, низкий уровень успеваемости, плохие бытовые условия и полное отсутствие медицинской помощи. Также в 1930-х годах на исследуемой территории школы-интернаты действовали в поселке Горная Чуя (8 классов), на приисках Андреевский, Светлый (7 классов), на прииске Кропоткин и в Бодайбо (8 классов).

В целом национальная политика советского правительства в отношении коренных народов Севера дала следующие результаты:

1. Большое значение имела работа по ликвидации неграмотности. У жителей Севера появилась возможность получать образование и работу, приобщаться к культурам других народов. С другой стороны, государственным языком был русский, следовательно, обучение в школах велось на этом языке и создаваемые

организации: ясли, детские сады, школы-интернаты, больницы — и органы управления также вели работу только на русском языке. Постепенно происходило засилье русского языка, что влекло за собой утрату языка родного.

В свою очередь, система интернатов, надолго отрывая детей от семьи и ее традиционных занятий, привела к разрушению исторически сложившихся форм передачи профессиональных навыков, таких как охота и оленеводство, от поколения к поколению.

2. Организация и развитие здравоохранения и медицинского обслуживания позволили значительно сократить заболеваемость и смертность. Однако этот процесс проходил с переменным успехом, играла свою роль вековая традиция коренного населения полагаться на традиционные народные методы лечения и искусство врачей-шаманов. Препятствовали развитию здравоохранения и такие факторы, как удаленность районов кочевков местных жителей, нехватка медицинского персонала, проблемы с финансированием, повсеместное спаивание эвенкийского населения (9).

3. Проведение коллективизации, организация государственных промыслово-олeneводческих колхозов, т. е. введение нетрадиционных форм хозяйствования, привели к закреплению ранее кочевых народов на определенной территории, изъятию оленей из личной собственности, переориентации хозяйственной деятельности колхозов на охоту, скотоводство, полеводство, что, в свою очередь, предопределило вынужденный переход на оседлость.

Ломка в традиционном укладе ведения хозяйства эвенков имела негативные последствия: колхозы как форма организации эвенкийских хозяйств не оправдали себя. Вскоре колхозы были переформированы в промхозы, основными видами деятельности которых стали заготовка древесины, медтехсырья — трав, ягод, продуктов охоты и оленеводства (панты, струя, медвежьи лапы и жир), а также разведение серебристо-черных лис. Внедрение новых форм хозяйствования привело к тому, что оленеводство пришло в упадок и основным видом деятельности стала охота. Для осуществления торгового оборота с пушниной были образованы интегралсоюзы, но закупка пушнины государственными образованиями велась по низким ценам, поэтому большей популярностью у эвенков-охотников пользовались частники-перекупщики.

4. Промышленное освоение территорий обитания малых народов (развитие горнодобывающей промышленности, пароходства и авиации, строительство дорог) наряду с бурным развитием экономики страны повлекло за собой вытеснение этносов с обжитой территории, сокращение поголовья оленьего стада и нарушение условий обитания диких животных.

Эвенки, кочевавшие по территории нынешних Бодайбинского и Мамско-Чуйского районов, одни из первых в Иркутской губернии столкнулись с процессом «промышленливания» территории пришлым русскоязычным населением в конце XIX века. Продвигаясь от поселка Мача на реке Лене до притоков Витима, русские преследовали цели добычи и вывоза полезных ископаемых, таких как золото и слюда, а также скупки пушнины: соболя, белки (10). Для этого были проложены дороги, в том числе первая в Иркутской губернии небольшая железная дорога от Бодайбо до прииска Светлый, вдоль которой возникла целая система приисков с открытым способом добычи золота. Местные эвенки активно участвовали в этом процессе. Они выступали в качестве проводников, перевозчиков грузов, заготовителей леса для приисковых нужд, отчасти в роли поставщиков продукции пушно-мехового промысла и оленеводства (кожи, ремни, шкуры). Золотоискатели, в свою очередь, обеспечивали снабжение тканями, оружием, продуктами питания (чай, крупы, сахар), а также в изобилии водкой, табаком, дорогостоящими сладостями и безделушками.

5. Борьба с религией и институтом шаманства привела к ликвидации главных носителей традиционной духовной культуры — шаманов.

Все эти процессы завершились между 80–90-ми годами XX века. Насильственно проводимые так называемые положительные мероприятия советского правительства привели к тому, что за короткий промежуток времени (70 лет) произошла сложная перестройка исторически сложившегося жизненного уклада коренных северных народов. Государство сумело проникнуть не только в хозяйственную (закрепление охотников на определенной территории, организация артелей, контроль над проведением охотничьего промысла и пр.), но и во внутрисемейную жизнь коренного населения. Это выражалось в регламентации и организации жизненного уклада: тотальном прикреплении к месту жительства, регистрации рождения, брака, смерти, а также в навязывании элементов чужеродной культуры. В итоге происходило разрушение сложившихся в поколениях норм деловых этнических отношений, тем самым создавался конфликт не только внутри этнического общества, но и внутри эвенкийской семьи.

Что мы имеем сегодня?

В Мамско-Чуйском районе Иркутской области на 25 мая 2005 года насчитывалось 48 эвенков (32 взрослых и 16 детей). Основная масса — пенсионеры, кочевников нет. Известно, что в Бодайбинском районе (между реками Большим Патомом и Малым Патомом) до сих пор кочует одна семья из рода Максимовых. Эвенкийский язык стал бытовым и был практически утрачен. Эвенкийское население практически растворилось в среде пришлого русско-

язычного населения и проживает в поселках. Из традиционных видов хозяйства остались охота, рыболовство, собирательство (ягода, орехи), преимущественно в целях личного пропитания.

В конце XX — начале XXI века государство снова обратило внимание на коренные народы, призывая их возродить и сохранять свою традиционную культуру. Непроизвольно возникает вопрос: «А какую культуру необходимо восстанавливать и сохранять — художественные промыслы, национальную кухню, национальные праздники, одежду?..»

Создаются ассоциации, фонды, выделяются средства. Носителей информации осталось не так много, большинство уже в преклонном возрасте. Они вряд ли смогут вернуться в тайгу и вести прежнее хозяйство. Молодежь, в силу многих обстоятельств, уже не может и не хочет вести традиционный образ жизни — нарушена связь поколений. Есть попытки возрождения традиционных хозяйств, но они существуют за счет дотаций государства. Находятся единицы, желающие вернуться к истокам. Однако речь идет уже о видоизмененном хозяйстве, претерпевшем сильное влияние новой культуры XX века. Время упущено...

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Государственный архив Иркутской области. Оп. 1. Д. 18. Самохин А. Статистико-экономический очерк положения тунгусов, населяющих Бодайбинский район. 1927 г.

2. Государственный архив города Бодайбо (ГАГБ). Ф. 5. Оп. 1. Д. 1. Протоколы общего родового собрания, 1934–1939 гг.

3. ГАГБ. Ф. 12. Оп. 1. Д. 2. Акт Мамского родового собрания за 22.08.1927 г.

4. ГАГБ. Ф. 5. Оп. 1. Д. 1.

5. Там же.

6. Там же.

7. Там же.

8. ГАГБ. Ф. 5. Оп. 1. Д. 4. Докладная записка, отчет о работе Конкудерского национального совета.

9. В 1930 г. на основании установок директивных органов при секторе снабжения наркомторга РСФСР была введена целенаправленная продажа спирта и водки в целях стимулирования пушных заготовок. В результате северные народы получили «свободный» доступ к приобретению алкоголя.

10. Подлиняев Г.М. К вопросу о закреплении населения и создания постоянных кадров в слюдяной и золотодобывающей промышленности Иркутской области // Известия Восточно-Сибирского отдела Географического общества СССР. 1970. Т. 68. С. 94–102.

ДЕКОРАТИВНОЕ ИСКУССТВО ЭВЕНКОВ (ПО МАТЕРИАЛАМ ЭТНОГРАФИЧЕСКОГО МУЗЕЯ НАРОДОВ ЗАБАЙКАЛЬЯ)

*Наталья Валентиновна Монго,
старший научный сотрудник,
заведующая эвенкийским комплексом
Этнографического музея народов
Забайкалья, г. Улан-Удэ*

Традиции художественного оформления различных вещей и предметов быта у эвенков зародились в условиях кочевого быта и целиком были связаны с ним. Изобразительное искусство эвенков нашло выражение в резьбе по кости, дереву и железу, изготовлении деревянных фигур, литье фигур из свинца и олова, выковывании разных предметов, нанесении силуэтных рисунков на деревянные предметы, тиснении на бересте, шитье из меховых полосок и квадратиков, вышивках швом с подшейным белым волосом оленя, бисером и шелком и вырезании берестяных фигур. Оформление костяных (роговых), деревянных и металлических предметов было делом мужчин; оформление берестяных, меховых и ровдужных предметов обихода — делом женщин. Эвенкийские мастерицы красили ровдугу в цвет охры. Краску делали из коры ольшаника (*дулгиктэ*). Отвар готовили из мелкой марниковой ольхи. В старину ровдужные полотнища, которыми покрывали чум, были разрисованы и расписаны. На ровдуге делали орнамент для ряда предметов: унтов, кафтанов, рукавиц, женских коробок, сумок и т. д.

В эвенкийском комплексе Этнографического музея народов Забайкалья можно увидеть предметы старого быта: рукодельные игольницы, вьючные сумы, меховые коврики (*кумаланы*), одежду, берестяную утварь и т. д. Экспонаты, которые представлены в комплексе, были привезены из Красноярского края, Читинской области, а также из северных районов Республики Бурятия.

Создателями эвенкийского комплекса являются Т.В. Гурка, Н.Д. Доволин и В.Т. Танкиульева, которые внесли огромный вклад в сохранение и развитие эвенкийской культуры. Одежду для эвенкийского комплекса по заказу музея изготовили мастерицы-эвенки из села Уоян Северо-Байкальского района В.Т. Танкиу-

льева и М.Н. Ержина. Ими были сшиты два национальных женских халата.

Темы и сюжеты эвенкийского бытового искусства черпались непосредственно из жизни и охватывали обширную область духовной деятельности человека. Сюда входит несколько самостоятельных видов художественного творчества, а именно: декоративное украшение верхней одежды, обуви, головных уборов, рукавиц, изготовление меховых ковриков, резьба по дереву и бересте.

С проникновением в глубинные районы Севера купцов, скупщиков ценной пушнины, появился разноцветный бисер, который выменивался на мех.

Орнамент у эвенков несложный: прямая полоса, уголки, крестики, зигзаг. Чаще всего использовали крестообразные фигуры. Крестообразная фигура на эвенкийском костюме — это изображение водоплавающей птицы гагара. Гагара пользовалась у эвенков особой любовью. Во-первых, их издавна привлекал ее красивый силуэт. Во-вторых, это одна из тех птиц, которые, как аист, выбирают себе пару один раз и на всю жизнь. Поэтому гагара считалась символом любви и семейной верности.

Все народы Севера, в том числе и эвенки, владели искусством меховой мозаики, т. е. сшивали изделия из тщательно подобранных небольших шкурок.

Эвенкийские мастерицы. Фото В. Гуляева

Среди различных меховых и кожаных изделий эвенков с художественной точки зрения наибольший интерес представляют коврики-кумаланы, очень тщательно и аккуратно сшитые из кусочков светлого и темного меха оленя, нерпичьей кожи или обычных ровдужной бахромой. Декоративное оформление ковриков построено по принципу чередования контрастных цветов.

Коврик-кумалан имеет форму несколько сплющенного, сдавленного к середине по продольной оси прямоугольника с округленными углами. Меховые ковры по типу и формам бывают разнообразные. Это зависит, с одной стороны, от количества и качества имеющихся шкур и меха, с другой — от изобразительности и вкуса мастерицы. Также шились круглые коврики, в них эвенки воспроизводили образ солнца. Отдельывались ковры бахромой.

Изобразительное искусство было представлено также орнаментом на бересте и дереве. Вся посуда и выючные сумы изготавливались из бересты, реже из дерева. Берестяная посуда была очень удобна при кочевом образе жизни, так как она легкая и ее всегда можно заменить. На бересту наносили орнамент острием оленьего копытца или на раскрашенную основу прикрепляли полоски бересты. Таким орнаментом украшались табакерки из бересты (доскан), туеса для хранения оленьего молока, воды и т. д.

В фондах музея имеются изделия оригинальной формы из бересты: биток (*гуявун*) для сбора ягоды голубики и манок (*оревун*) для подманивания изюбря, которые были приобретены в поселке Багдарин Баунтовского района у Н.Д. Доволина.

Редко встречается посуда из дерева. В единственном экземпляре поступил в фонды музея ящик (*сэлэрук*) для хранения металлических инструментов. *Сэлэрук* сделан из тонко выстру-

Зимняя обувь — унты — с традиционным эвенкийским орнаментом. Фото В. Гуляева

ганной березы, к середине сжат, крышка завязывается поперек ремешками. Также из березы делали детские люльки. Зимние люльки орнаментировались и обшивались мехом. В эвенкийскую коллекцию поступили детские люльки из Читинской области, Красноярского края и из Северо-Байкальского района Республики Бурятия. С задней части люльки со стороны головы прикреплена замша, цвета охры и натуральной кожи. Замша окантована бахромой, к ней прикреплены мелкие зубы косули. При движении оленя зубы стучали, под монотонный звук ребенок засыпал, а, по представлениям эвенков, эти зубы отпугивали злых духов.

Некоторые резчики использовали плоскую резьбу — это показано на поняге (заплечная доска для ношения тяжестей). В экспозиции музея есть поняги, украшенные орнаментом растительного и геометрического характера. Имеется поняга с орнаментом в виде фигуры оленя.

Фигуры животных использовались в орнаменте довольно редко; человеческие фигуры не встречались вовсе.

Скульптура из дерева представлена в музее преимущественно шаманскими предметами (предметы шаманского культа). В шаманском комплексе находятся зооморфные деревянные изображения медведя, лося, оленя, где схвачен характер этих животных, фигурки рыб: щука, таймень, налим, использовавшиеся шаманом при камлании. Птицы представлены в основном водоплавающими, особенно выделялась среди них фигурка гагары.

Вся резьба по дереву в шаманском чуме была сделана в 1974 году эвенком Н.Д. Доволиным, жителем Баунтовского района Республики Бурятия.

К моменту создания шаманского чума подлинным экспонатом была утка, вырезанная из дерева и украшенная бахромой. К бахроме прикреплены мелкие зубы косули. Этот предмет привезли из села Холодного Северо-Байкальского района Республики Бурятия.

Многие предметы делались из металла, например скребок (*y*) для первичного соскабливания мездры — изогнутый, круглый, на короткой прямой ручке. В единственном экземпляре музеем был приобретен металлический скребок (*чучун*) для выскабливания мездры, дугообразной формы с зубчиками, орнаментированный, насажен на деревянный черешок.

Для обработки деревянных предметов использовался рубанок-струг (*ирэпчинэ*), выдолбленный из дерева, с двумя ручками и продолговатым отверстием посередине, в котором укрепляется двусторонне отточенный нож. При помощи этого ин-

струмента из дерева строгали тонкие доски для лыж, полозьев нарт, лук и колыбелей. В эвенкийском комплексе представлены три струга.

Также представлены в музее металлические щипцы (*капчур*), которые были в каждом жилом чуме, и металлический крюк (*олдон*) для подвешивания над очагом чайников и котлов. Крюк делался из нескольких металлических звеньев, соединенных между собой. Для ловли рыб использовали металлические трехрожковые остроги (*кирамки*). Мастера кузнечного дела особенно хорошо выковывали ножи, пальмы, копья и различные подвески для украшения шаманского костюма, изготавливали музыкальные металлические губные инструменты в виде цитры (*кордаун*). Кузнечеством занимались летом, так как зимой охотились.

Эвенкийские женщины умели хорошо обрабатывать рыбью кожу. Из рыбьей кожи шили сумочки, игольницы, украшенные бисером. В 1978 году в фонды эвенкийского комплекса поступила выючная сума из рыбьей кожи из села Россошино Баунтовского района, приобретена у жительницы этого села А. Даунеевой. Сума сшита из пластов рыбьей кожи, между соединениями прошита красная ткань, вверху окаймлена ровдугой, пришитой к рыбьей коже на шнуровке, сделанной из ровдуги.

Народное декоративное искусство эвенкийского народа отразило многовековой путь духовного и художественного освоения окружающего мира. Из поколения в поколение передавались и бережно сохранялись традиции художественной обработки, казалось бы, самых немудреных предметов домашнего обихода.

Итак, какую сферу быта, труда и досуга эвенков ни взять, везде можно увидеть, что перед нами народ-художник. К чему он ни прикоснется, за что ни возьмется — все получает в его руках художественное оформление: и лодка, и колотушка, и унты, и коврики-кумаланы, и т. д.

НАРОДНАЯ МЕДИЦИНА ЭВЕНКОВ

*Лариса Сергеевна Баханова,
студентка эвенкийского отделения
Бурятского государственного
университета,
г. Улан-Удэ*

Здоровье — это конечно, еще не все,
но если нет здоровья, то все остальное
не имеет значения.

Хальдодан Малер

Суровый климат Восточной Сибири подвергал человека тяжелым испытаниям: требовал от него предельного напряжения физических и моральных сил для выживания, в то же время суровая природа формировала сильный характер и особое мировосприятие. При таком климате люди искали естественные способы защиты своего организма от холода и болезней, уделяя особое внимание народной медицине.

Цель нашего исследования — выявить, какими средствами эвенки излечивали себя от недугов и болезней. Обратимся прежде всего к опыту своих родных. Так, моя прабабушка Бододин была не только костоправом, но и лечила многие болезни. Умение лечить она передала моей бабушке Цырме — своей дочери. Бабушка научила этому мою маму, которая знает немало средств народной медицины.

Тайга — самая лучшая аптека. От всех болезней имеет она лекарства: отвар чаги помогает заболевшему желудку, глубокая рана не затягивается — кедровая или еловая живица, перемешанная с медвежьим салом и толченой хвоей, — незаменимая мазь. Успокоит нервы кедровый орех. Понадобится вата — рядом белый мох. Вытопленное филиновое сало помогает при ожогах. Если охотник не мог достать рукой больное место — на помощь приходила собака. Каждый эвенк знает, что рана или ожог, залитые собакой, быстрее заживают и не гноятся. Высушенным змеям отрубали головы и из яда и печени готовили мазь от сустава.

До сих пор эвенки используют мумие (*инани тохун*) — каменное масло. Оно очень хорошо помогает при переломах, быстрее срастываются кости. Каменное масло добывается высоко в горах,

в труднодоступных местах. При болезни в суставах применяют березовые листья (*чалбанни авданнал*).

Раньше эвенки вместо чая применяли чагу (березовый нарост) или иван-чай. Чага также используется как мочегонное средство, а иван-чай содержит много витаминов, в основном его давали пить детям. Чай из листьев брусники обладает мочегонными и вяжущими свойствами. Настой из них используют при мочекаменной болезни, ревматизме, при недержании мочи у детей.

Баргузинские эвенки издревле занимаются скотоводством, и они научились применять мясо, шкуру домашних животных для лечения тех или иных заболеваний. Так, например, когда человек тяжело заболел, резали барана, сразу же его мясо и внутренности накладывали на тело больного и заворачивали его в шкуру животного. Старые эвенки говорят, что вся болезнь человека уходила в шкуру и мясо. После этого мясо и шкуру выбрасывали.

Судя по рекламе на телевидении, большая проблема современных людей — перхоть. Рекламируют различные средства от перхоти. Эвенки же давно имеют эффективное средство. Это солонец (*кудир*). Растворяют его в воде как мыло, моют этим раствором голову — и перхоти как не бывало. Еще эвенки изготавливали мыло из медвежьего сала, добавляя в него сок багульника — от этого мыло становилось душистым.

Эвенки никогда не чистили зубы и тем не менее до старости имели полный рот здоровых зубов. Это объясняется тем, что наши предки жевали древесную серу, которая спасала их от пародонтоза и цинги.

При язвах и чирьях эффективна заячья шкура (*туксакикса*).

А теперь дадим небольшой перечень средств народной медицины, которые применяют эвенки при некоторых заболеваниях.

Золотой корень (*увильдыгун*) настаивают в водке и пьют как бальзам, средство для долголетия.

При туберкулезе и болезни желудка полезен барсучий жир (*дорокон имурэнин*).

От туберкулеза кости используют отвар сосновых верхушек и стланика.

От ангины применяют желчный пузырь медведя (*де*).

При температуре очень полезен морс из красной смородины (*игэликтэ*). Кроме того, как жаропонижающее средство применяют ягоды рябины.

Ягоды шикши и рябины употребляют в сыром виде или же заваривают при повышенном артериальном давлении.

Настой голубики (*диктэ*) применяют при кровотечении.

Карась (*колэмтэ*) — его варят и пьют бульон без соли, это средство от боли в печени.

Рябчик (*хинуки*) — применяют при сильном кашле. Нужно выпарить тушку, чтобы выделился сок, пить по чайной ложке каждый день после еды.

Мясо черного дятла (*конномо кирэктэ*) применяют при тяжелых заболеваниях легких, бронхов, приступах кашля. Мясо дятла готовится по-особому, этот секрет знают старые эвенки.

Багульник (*сэнкирэ*) применяют как отхаркивающее средство, а также при кровотечении.

Из подснежника (*иманна аргавакта*) делают примочки для ног при болезни суставов.

Кору пихты (*едо*) и *сэнкирэ* применяют как благовоние.

Костянику (*комакта*) употребляют как лекарство при расстройстве желудка.

Это лишь небольшой перечень средств эвенкийской народной медицины, которыми пользовались еще наши предки. И в дальнейшем наша задача — продолжить исследование, чтобы сохранить то, что накоплено предыдущими поколениями.

ЛИТЕРАТУРА

1. Абрютина Л.И. Народы Севера России: право на здоровье. М., 1999.
2. Мыреева А.Н. Лексика эвенкийского языка. Растительный и животный мир. Новосибирск, 2000.
3. Шелудяков А.Г. Из племени кедр: роман. М., 1974. С. 157.

ЭКОЛОГИЧЕСКОЕ СОЗНАНИЕ ЭВЕНКОВ В ОБЫЧАЯХ

*Анфиса Александровна Воронина,
ассистент кафедры фольклора
и национальной культуры
Национального
гуманитарного института
Бурятского
государственного университета,
г. Улан-Удэ*

Нас интересует экологическое сознание эвенков. Эвенки, осваивая просторы тайги, менее других народов нанесли ущерб природе. Сосредоточенная в фольклоре и религиозных верованиях народа совокупность табу, запретов и предписаний представляется нам как одно из условий гармонизации отношений человека и природы. «Законы предков», регулирующие поведение человека в природе, в решающей степени базируются на тысячелетнем опыте освоения практически неизменных экологических ниш.

Жизнь эвенка напрямую зависела от состояния природы. Поэтому у народа существует множество обычаев из культа природы, направленных на ее сохранность. Ценность этих обычаев заключается в том, что, «во-первых, они являются самыми древними и мало изменились с приходом русскоязычного населения. Во-вторых, в связи с изменением отношений, обычное право эвенков подверглось сильнейшей деформации и сегодня существует лишь в остаточном цикле, а обычаи природоохранного действия сохраняются до сих пор и передаются не только в среде населения, занимающегося традиционным образом жизни» (1).

Общий смысл экологических обычаев сводится к стремлению нанести наименьший ущерб природе. Причем у древних эвенков обычаи соблюдались не только во время выхода на промысел, они претворялись в жизнь начиная с быта. Например, независимо от обстоятельств стойбище должно было быть чистым, а именно — все отходы жизнедеятельности необходимо закапывать. Объединенные кости крупных животных (медведей, оленей) складывались отдельно на лабаз, а рога и черепа животных вывешивались на ветках деревьев. Чтобы не загрязнять таежный воздух,

нельзя было в процессе подготовки к приготовлению пищи бросать в костер лапы, хвосты, перья боровой дичи. Кости животных и рыб в костер также не выбрасывались. Рядом с огнем нельзя было проливать кровь боровой птицы.

Существовали строгие сроки охоты на отдельных животных. Всегда было запрещено убивать стельных важенок и молодняк, хотя и допускались некоторые отклонения в безвыходных ситуациях (2). Строго-настрога запрещалось упускать в тайгу раненое животное. Эвенкийская поговорка гласит: «Если раненый зверь побежит — преследуй!» Ловушки устанавливали так, что они мгновенно убивали и зверь не мучился.

Сейчас остро стоит проблема сохранения редких ценных животных и растений. Одним из шагов, предпринятых современным человечеством для сохранения окружающей природы, животного мира, было создание заповедников. У эвенков же с незапамятных времен существовали подобные мини-заповедники. К примеру, у Николая Калитина — эвенкийского писателя — есть рассказ «Осургинат». *Осургинат* в переводе с эвенкийского — дерево счастья и изобилия. Обычно это лиственница, которой в округе нет равных по красоте и мощи. «На этой лиственнице ведут весной свои любовные игры белки, собираясь с ближних притоков речки. Видно и белкам не чуждо чувство красоты... По тому, сколько собиралось тут белок, эвенки умели очень точно определять их урожай на будущий год. По их законам весной нельзя было даже подходить к Осургинату, а в любую другую пору года — стрелять в сидящих на нем птиц или зверьков. Нарушение считалось тяжчайшим из грехов». Во всем этом больше народной мудрости, чем суеверия. «Осургинат и подобные ему деревья были как мини-заповедники, где те же белки могли без боязни заводить семейства и размножаться, чтобы потом пополнять окрестную тайгу» (3).

Поскольку эвенки-охотники вели преимущественно бродячий образ жизни, заготовка запасов на длительные периоды для них не была характерной. Поэтому они не добывали зверя и рыбы больше того количества, которое могло потребоваться для пропитания семьи в ближайшее время. В таком отношении к животному и водному миру угадывается забота о благосостоянии будущих поколений. На этот счет существует следующая эвенкийская поговорка: «Из озера не вылавливай всю рыбу, а оставь своим потомкам». Также не занимались ловлей идущей на нерест рыбы. «Более того, эвенки амурской и охотской групп следили за состоянием рек — очищали нерестовые ямы в пе-

риод хода лососевых рыб, после чего старались без необходимости не появляться в нерестовый период в тех местах» (4).

Существовал запрет на загрязнение воды отбросами.

Кроме того, эвенки придерживались воздушного типа захоронения. Для этого гроб изготавливали из ствола дерева, выдалбливая его сердцевину, и подвешивали на вбитые в землю столбы. Захоронения такого типа не могли отразиться негативно на состоянии подземных вод. Уточним, последним пристанищем умершего человека становилось уже неживое, дуплистое дерево. Примечательно и то, что «живое дерево на дрова не использовали, топили валежником и сухостоем» (5).

Существовали определенные сроки и сбора березового сока, дикоросов и коры. Березовый сок эвенки собирали весной, а по окончании его сбора надрез, для сохранения дерева, замазывали глиной. Кору разрешалось снимать именно тогда, когда это могло нанести наименьший ущерб для дерева, — во время появления листы (6). Использование коры было рациональным: из нее делали небольшие летние чумы, на покрытие которых понадобилось бы коры не более чем с трех деревьев. Приведем отрывок из рассказа Сергея Бухаева «Портрет Танкиуля возле белого оленя»:

«— Давайте построим мне шалаш, — сказал он. <...>

— Э-э, паря, шалаш! — усмехнулся Танкиуль. — Легко говорить, шибко трудно, паря, рубить. Наша тайга деревом бедная, шибко тихо дерево растет. Если ветками шалаш строить, сколько дерева погубим, а? Чум тебе поставим, кору надерем — три елины, не больше, на него уйдет. Понятно? Из елины я потом нарты сделаю, шибко легкие нарты получатся» (7).

Из приведенного отрывка видно, что использование эвенками лесного богатства было не только рациональным, но еще и безотходным.

Эвенки никогда не разоряли птичьих гнезд. Во избежание пожара всегда тщательно тушили костер, разведенный в лесу. Они не разводили костер на лесных тропах, чтобы находящийся вблизи зверь не сменил место обитания.

Основной мерой воздействия на правонарушителей были порицание и позор, а это, как известно, для эвенка было более сильным наказанием, чем физическое воздействие.

Исходя из сказанного, постараемся выделить главную черту природоохранных обычаев эвенков — разумность в использовании природных ресурсов.

Проблемы природоохранного характера сегодня очень актуальны. Речь, конечно, не идет о полном возврате к традиционным формам ведения хозяйства. Но вернуться к духовному позитивному опыту взаимодействия человека и природы весьма полезно для формирования современной экологической культуры.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Увачан В.В. Обычное право эвенков в XVII – начале XX вв. М., 2001. С. 91.
2. Там же.
3. Калитин Н. Осургинат // Калитин Н. Булчут: Рассказы. Якутск, 1991. С. 31–32.
4. Увачан В.В. Указ. соч. С. 91.
5. Зайцева И.В., Интигринова Т.П., Протопопова И.В. Экологические традиции народов севера Баргузинской долины. Улан-Удэ, 1999. С. 27.
6. Увачан В.В. Указ. соч. С. 92.
7. Бухаев С.Д. Портрет Танкиуля возле белого оленя // Из синевы и зеленой: Повести. Рассказы. Улан-Удэ, 1990. С. 149.

ДЕТСКАЯ ЛЮЛЬКА ЭВЕНКОВ

*Татьяна Гавриловна Старостина,
старший научный сотрудник
Якутского государственного
объединенного музея
истории и культуры
народов Севера
им. Е. Ярославского,
г. Якутск*

В тунгусской коллекции В.Н. Васильева, хранящейся в фондах Якутского государственного объединенного музея истории и культуры народов Севера имени Е. Ярославского, имеется детская люлька эвенков с ровдужным чехлом — «баба тэпкун» из урочища Чагда на побережье Охотского моря. В.Н. Васильев исследовал эвенкийское население Алдано-Майского улуса Якутской АССР и кочующих эвенков Охотского побережья в 1926–1928 годы в составе этнографического отряда Комиссии по изучению производительных сил Якутской АССР, организованной Академией наук СССР в 1925–1930 годы. Название колыбели «баба тэпкун» записано в описи В.Н. Васильева и переводится как «ровдужный чехол для детской зыбки». В описи дано только название чехла, без деревянной основы. По классификации Г.М. Василевич, рассматриваемая люлька относится ко второму типу тунгусских колыбелей, т. е. к забайкальско-амурскому или ороchonскому. Подтверждая мнение автора о распространенности этого типа колыбели, можно сказать о том, что данная люлька из коллекции В.Н. Васильева поступила от эвенков, живших близ Охотского моря. Время появления колыбели у эвенков и других тунгосоязычных народов Г.М. Василевич относит «к одному из этапов неолита Прибайкалья. Появление ее было обусловлено освоением навыков работы с теслом» (1).

В «Предварительном отчете о работах среди Алдано-Майских и Аяно-Охотских тунгусов» В.Н. Васильева говорится, что «проживавшие там эвенки в 1920–1930-х годах в большей степени назывались полуоседлыми, чем кочевниками» (2). Возможно, этим объясняются некоторые изменения в способе соединения частей данной колыбели: ножной и головной борта скреплены между со-

бой ремешком только в одном месте. При дальних кочевках такое соединение вряд ли было бы надежным.

Люлька состоит из двух частей. Первая часть — деревянная основа, а вторая — ровдужный чехол. Общий вес люльки — три килограмма. Основа сделана из тонких, хорошо отполированных и высушенных дощечек. Борта изготовлены из двух изогнутых досок. Способ соединения досок: концы головного борта наложены снаружи на концы ножного борта, края их подрезаны на уровне дна. Угол соединения 130° . Сгиб ножного борта слегка дугообразен (ширина у ног 16,5 см, посередине 21 см). Длина головного

Люлька с закрытым пологом. Фото Т. Старостиной

борта — 43 сантиметра, ножного — 46 сантиметров. Высота головного борта — 16,5 сантиметра, ножного — 16 сантиметров. Дно забрано пятью поперечными кощечками, под изголовьем имеется отверстие овальной формы. Все части между собой плотно сшиты кожаными ремешками. Угол соединения бортов дополнительно скреплен деревянными шпеньками. Соответственно, такой способ крепления не позволяет изменить угол соединения. Стационарное положение люльки не давало возможности маленькому ребенку долго находиться в полулежачем положении. «Это указывает на то, что данная люлька применялась в дневное время. Отсюда следует, что в ночное время ребенка укладывали в другую колыбель» (3).

С внутренней стороны бортов привязаны кожаные ремешки, для переплета над лежащим ребенком. К головному борту привязана деревянная дужка длиной в 58 сантиметров и толщиной 0,8 сантиметра, в сечении прямоугольной формы. На изгибах бортов привязан ремешок для подвешивания, который в то же время служит для подерживания полога чехла. С двух боковых сторон на бортах имеются ремешки для ношения люльки через плечо. У изголовья люльки с двух внешних сторон подвешены металлические предметы. С правой стороны изголовья прикреплены два наперстка из белого металла,

**Орнамент изголовья люльки.
Фото Т. Старостиной**

одна трубочка из наперстка и еще одна трубочка из желтого металла. Слева имеются два наперстка, трубочка из желтого металла и небольшая металлическая полоска. Наперстки имеют выбоины. Возможно, эти подвески служили амулетом для защиты от злых духов. Кроме этого, они имели практическое применение, так как издаваемый ими звук при передвижении на оленях извещал о том, что люлька на месте. «Наличие наперстков в люльке приводит к мысли, что она предназначалась для девочки, так как звенки считали, что наперсток поможет девочке стать хорошей рукодельницей» (4).

Вторая составная часть люльки — чехол, сшитый из ровдуги. Чехол плотно обтягивает всю основу. Ровдуга хорошо выделана. В соединительные швы вшито сукно красного цвета. Чехол имеет откидной полог, края которого окаймлены полоской из ситца красного цвета в черный горошек. Вдоль каймы полог орнаментирован двумя пересекающимися линиями, которые образуют фигурные скобки. Линии представляют собой жгутики из белого оленьего подшейного волоса, обметанные сухожильной ниткой. Они выделены черной краской, а пространство между линиями раскрашено в шахматном

порядке. Чехол над изголовьем стягивается ровдужным ремешком. Вдоль головного борта пришиты пять ремешков на равном расстоянии друг от друга. Возможно, к ним были прикреплены различные амулеты, защищавшие ребенка от болезней, прививавшие определенные черты характера, навыки и умения. «Когда ребенок вырастал, эти амулеты пришивали к кафтану» (5). Видимо, этим объясняется отсутствие амулетов на данной люльке.

С внешней стороны под изголовьем чехол декорирован жгутиковыми швами из оленьего подшейного волоса в виде трех параллельных дуг. Первая дуга представляет собой нашивку. Две нижние дуги по всей длине образуют петли, покрашенные в черный цвет. Во второй дуге семь петель, а расположенная в центре петля по размеру больше других. Третья дуга имеет три петли одинакового размера. Все три дуги выделены линиями, черной краской. Цифра три в мировоззрении эвенков имела особое значение. «Вселенная делилась на три мира: верхний, средний, нижний. Верхний и нижний миры состояли из трех ярусов каждая» (6). А с цифрой семь можно связать «легенду о созвездии Большой Медведицы, где три звезды — это охотники, а остальные четыре — лось» (7). Как отмечено у С.В. Иванова, «прямая связь полосового орнамента с техникой шитья по коже сухожильными нитками и волосом говорит о глубокой древности этого орнамента» (8). Происхождение такого типа орнамента он относит к эпохе неолит-

Внутренний вид люльки. Фото Т. Старостиной

та. Говоря о происхождении геометрического орнамента, в частности дуги, можно отметить мнение Л.Н. Жуковой: «Как известно, в эпоху неолита орнамент служит одним из способов познания окружающего мира, а также воздействия на него. Таким образом, орнамент выступает своего рода кодом космической символики» (9). Значит, эти три дуги на орнаменте колыбели можно рассматривать как модель мироздания.

Таким образом, эвенкийская люлька из коллекции В.Н. Васильева представляет собой уникальный предмет, вобравший в себя самые интересные детали материальной и духовной культуры древнейшего народа. Удобная конструкция и легкий вес люльки позволяли использовать ее в трудных кочевых условиях жизни эвенков. Она практична при любой переноске: ее можно носить на плечах или навьючить на оленя. Высокие борта и переплет ремешков не позволяют ребенку выпасть из люльки. Ровдужный чехол защищает от ветра и дождя. Такой тип колыбели наиболее подходил для кочевого образа жизни эвенков в суровых климатических условиях Севера.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Василевич Г.М. Тунгусская колыбель // Сборник Музея антропологии и этнографии. Л., 1960. Вып. 19. С. 17.
2. Васильев В.Н. Предварительный отчет о работах среди Алдано-Майских и Аяно-Охотских тунгусов. Л., 1930. С. 58.
3. Василевич Г.М. Тунгусская колыбель. С. 22.
4. Василевич Г.М. Эвенки: историко-этнографические очерки (XVIII – начало XX в.). Л., 1969. С. 171.
5. Там же.
6. Мазин А.И. Традиционные верования и обряды эвенков-орочонов. Новосибирск, 1984. С. 7.
7. Там же. С. 10.
8. Иванов С.В. Орнамент народов Сибири как исторический источник // Краткие сообщения Института этнографии. М., 1952. Вып. 15. С. 12.
9. Жукова Л.Н. Бинарные оппозиции в мировоззрении аборигенов Якутии: символика разнонаправленных дуг // Язык — миф — культура народов Сибири: сборник научных трудов. Якутск, 1994. Вып. 3. С. 51.

ЭВЕНКИЙСКИЕ АМУЛЕТЫ В ФОНДАХ БРАТСКОГО ГОРОДСКОГО ОБЪЕДИНЕННОГО МУЗЕЯ ИСТОРИИ ОСВОЕНИЯ АНГАРЫ

*Александр Анатольевич Павлов,
заместитель директора по науке
Братского городского объединенного
музея истории освоения Ангары,
г. Братск, Иркутская область*

В 1970–1990-х годах Братский городской музей проводил исследования культуры эвенков в Катангском районе Иркутской области. К этому времени значительная часть эвенков вследствие социально-экономической, идеологической политики государства утратила связь с национальной культурой. Однако небольшая часть эвенкийских семей еще содержала домашних оленей, составлявших когда-то основу традиционного охотничье-оленоводческого уклада. Некоторые из них кочевали с оленями круглый год, сохраняя традиции в хозяйстве и отдельные элементы традиционного мировоззрения.

Традиционное мировоззрение эвенков основано, как известно, на одушевлении живых существ и неживой природы, вере в духов и возможности общения с ними через посредника-шамана. Главной обязанностью шамана являлась охрана сородичей от злых духов, обеспечение их благосостояния, что осуществлялось через различные обряды.

В фондах Братского музея имеется несколько амулетов, которые можно разделить на охотничьи, амулеты-обереги, амулеты от бесплодия, амулеты, обеспечивающие продолжение рода.

Эвенки верили, что души промысловых животных живут в частях тела животных (носах, челюстях, зубах), которые они хранили как предметы-фетиши, приносящие охотничью удачу. Если охотнику длительное время не везло на охоте, то устраивали специальный обряд добывания «охотничьего счастья», во время которого охотник испрашивал удачу у духа — хозяина промысловых животных. Материальным помощником этого духа был идол «бэллэй» — в виде антропоморфной фигурки. Перед охотой ему вешали связку носов и зубов, окуривали дымом, просили удачи на охоте (1, с. 161–165; 2, с. 164–165). Антропоморфные фигурки часто изготавливались в образе женщины — духа-хозяйки охотничьей территории (фото 1, 2).

Фото 1. Бэллэй — охотничий амулет. Фото А. Павлова

По представлениям эвенков, болезни человека объяснялись похищением его души злыми духами, поэтому еще до обряда лечения изготавливали «куколки» по количеству членов семьи, предназначенные для временного хранения душ членов семьи (2, с. 172). «Куколки» представляли собой плоские фигурки людей, изготовленные из дощечки, с укороченными руками и ногами, высотой 4,5–5 сантиметров (фото 2). Амулет оберегал от несчастий и болезней.

Фото 2. Амулет от болезней и несчастий. Фото А. Павлова

Семейными амулетами, передававшимися по наследству, символами деторождения, были фигурки птичек (кукушек), вырезанные из дерева и помещенные в сумочку-омирук (душехранилище), сшитую из ровдуги и выстланную оленьим волосом (фото 3). По представлениям эвенков, души нерожденных людей жили в Верхнем мире в виде птичек. Дух-хозяин Верхнего мира посылал эти души на землю в виде волосков, и, попадая в тело женщины, они давали плод. У некоторых эвенков это был амулет — охранитель детских душ, поскольку считалось, что при болезни детей их души покидают тело, возвращаются в родовое душехранилище, и для того чтобы душа больше не покидала тела ребенка, во время шаманского обряда изготавливались две птички и вшивались в одежду ребенка (3, с. 90).

Фото 3. Семейный амулет — душехранилище нерожденных людей. Фото А. Павлова

Сумочка-омирук, изображенная на фото 3, имеет одну особенность: ее горловина, хотя и имеет отверстия для ровдужной вздержки, зашита кусочком кожи. Возможно, этот амулет имел двойное назначение: охранителя детских душ и амулета, способствовавшего деторождению.

Интересен женский амулет от бесплодия (фото 4). Он представляет собой коробочку из бересты цилиндрической формы, на которую надет чехол из ткани на ровдужной вздержке. В коробочке устроено гнездо из оленьего волоса, в которое помещены антропоморфная фигурка и фигурка птички. Известно, что от божества Верхнего мира зависело рождение людей. Птичка

Фото 4. Женский амулет от бесплодия. Фото А. Павлова

олицетворяет, вероятно, нерожденную душу человека, а антропоморфная фигурка — духа-хозяина Верхнего мира, к которому, открыв коробочку, можно обращаться с просьбой о рождении ребенка.

Все амулеты переданы в музей в 1980 году эвенком Л.П. Сычегиром. Изготовлены амулеты в середине XX века, что свидетельствует о том, что и в это время у эвенков существовали и исполняли свои функции шаманы, без действий которых эти предметы не были бы амулетами.

ЛИТЕРАТУРА

1. Анисимов А.Ф. Представления эвенков о шингкэнах и проблема происхождения первобытной религии // Сборник Музея антропологии и этнографии. М.; Л., 1949. Т. 12. С. 160–194.
2. Василевич Г.М. Древние охотничьи и оленеводческие обряды эвенков // Сборник Музея антропологии и этнографии. 1957. Т. 17. С. 151–185.
3. Мазин А.И. Традиционные верования и обряды эвенков-орочонов. Новосибирск, 1984.

ЭВЕНКИЙСКАЯ ТЕМАТИКА В РАССКАЗАХ «ЦАРЬ-РЫБА» В. АСТАФЬЕВА

*Анфиса Александровна Воронина,
ассистент кафедры фольклора
и национальной культуры
Национального
гуманитарного института
Бурятского
государственного университета,
г. Улан-Удэ*

Много русских писателей обращалось к показу культуры, жизни, быта, верований эвенков. Русский читатель, перечитавший все о себе, впервые получил информацию об эвенках в рамках художественного слова.

Писатель-современник Виктор Астафьев упоминает об эвенках на страницах лучшей своей книги — «Царь-рыба».

Родился Астафьев в селе Овсянка Красноярского края. Детство писателя связано с Таймыром, Игаркой. Оно прошло в непосредственном общении с эвенками. Этим-то и объясняются познания автора в области духовной и материальной культуры северного народа, отраженные в книге.

Открывает «Царь-рыбу» рассказ «Бойе». Название рассказу дала кличка собаки, в переводе с эвенкийского означая «друг». Говоря о том, какие умные глаза были у лайки Бойе, автор приводит северное поверье: «Собака, прежде чем стать собакой, побыла человеком, само собою хорошим. Это детски наивное, но святое поверье совсем не распространяется на постельных шавок, на раскормленных до телячьих размеров псин, обвешанных медалями за породистое происхождение. Среди собак, как и среди людей, встречаются дармоеды, кусучие злодеи, пустобрехи, рвачи» (1).

Поверье это сохранилось у эвенков до наших дней. В нем говорится о том, как добрый дух Сэвэки создал землю и хотел создать людей бессмертными. «Когда он приступил к созданию человека, то его помощником была собака. Собака тогда была голой, как человек. Собака служила караульщицей у Сэвэки, чтоб в его отсутствие Харги* не испортил его творений».

* Харги — злой дух эвенков, брат Сэвэки.

Но за невыполнение обязанностей собака была наказана Сэвэки: «Теперь ты станешь настоящей собакой, будешь носить шерсть и разучишься говорить. Ты всегда будешь ходить на ремешке, охватывающем твою шею, и будешь всегда смотреть взад человеку, то есть ходить за человеком и служить ему. А человек, рассердившись, будет частенько поколачивать тебя палкой!...» (2).

Виктор Астафьев с гордостью говорит о собаке: «Бойе был труженик, труженик безответный». Это самая главная черта, характеризующая кобеля: «Он умел в тайге делать все и соображал как не полагалось животному, чем вбивал в суеверие лесных людей — они его побаивались, подозревая нечистое дело», — замечает писатель. Бойе не только гонял любую дичь, выводил охотников к дому, но и наловчился даже ловить рыбу из озера. Такого «дива» не видали и умудренные опытом люди.

То, что Астафьев был хорошо знаком с эвенкийским фольклором, подтверждается также приведенным на страницах книги поверьем о сказочной шаманке: «Бродит шаманка по тундре давно, в белой парке из выпоротков, в белой заячьей шапочке, в белых мохнатых рукавичках. За нею белый олень с серебряными рогами следует по пятам, головой покачивает, шаркунцами позвякивает...» (3).

Если обратить внимание на символику в поверье, то значительное место здесь занимает белый цвет. У эвенков белый цвет всегда был связан с понятием счастья. И олень белого цвета (сэвэк) считался священным (табуированным), приносящим счастье. Но в жизни часто счастье идет бок о бок с несчастьем. Так, в описанном поверье за счастливые минуты, проведенные с ней, сказочная шаманка лишает жизни мужчин. С молодыми охотниками даже за то, что они дали шаманке ожить в своем подсознании, поверили в минуты счастья с ней, может случиться непоправимое: «А что, если она ему тоже явилась?! — ожгла ревнивая подозрительность Колю. — Убью! Застрелю! Не дам!...» (4).

В «Царь-рыбе» встречаются и народные обереги, запреты, перенятые русскими у эвенков. В их основе лежат меры предосторожности охотника, боявшегося спугнуть добычу или накликать немилость духа-хозяина тайги шумом, разговором, необычным поведением: «Ноги ломит, пальцы судорогой сводит, сердчишко заходится, но все равно суматошно, весело на берегу парнишкам, удаль хочется показать и старание, а главное, скорее заглянуть в лодки, сколько поймано рыбы выведать.

От, хорос-ссо-о-о! — сдержанно сообщают они друг дружке. Орать и прыгать нельзя — от северян-промысловиков взято спокойствие, притворное равнодушие к добыче, иначе сглазить, озевать можно удачу» (5).

Частые промысловые неудачи, не зависящие от охотника, с одной стороны, и большое практическое значение добычи — с другой, породили суеверный страх перед силами природы, который на протяжении веков вылился во всевозможные поверья, обереги, запреты, наставления. Отсюда возникает и повышенное чувство внимания даже к снастям, используемым на промысле: «Аким и все парнишки постарше сортировали рыбу, старались не наступить и, не дай бог, плюнуть на невод — уловистость снасти испортишь» (6).

Мы можем также говорить о том, что Астафьев понимал значение многих эвенкийских слов и свободно использовал их в речи. Например, чум, камусные лыжи, шаманка, парка, таган и др. Чум — это жилище эвенков; камус — кожа с ног крупных парнокопытных животных. Камусом эвенки подбивали лыжи, чтобы те не скользили назад при подъеме охотника в гору. Шаманка (шаман — *саман*) — «вещеватель», «колдун»; парка — зимняя куртка; таган (*того* — огонь) — конструкция над огнем из двух рогатин и жерди, на которую подвешивают котел с варевом.

Или приведем описание видений Коле: «...нарта с упряжкой оленей, на нарте знакомый еще по Плахино эвенк Ульчин. Сидит бое с хореем, куржак облепил его плоскую мордаху, черненькие глазки радушно светятся из белого, однако хореем не шевелит, губами не чмокает, „мод-модо“ не кричит, олени не фыркают, не взбивают снег. Плывут олени, да лыбятся глазами бое». Или вот видение о шаманке: «...выплыла ОНА и, не касаясь расшитыми бакарями снега, вовсе даже не перебирая ногами, стала приближаться, бессловесная, распрекрасная...» (7).

Так, нарта — это сани для езды на оленях (собаках); бое (бэе) — друг (человек); фамилия у бое тоже эвенкийская; хорей — шест для езды на нартах; окрик «мод-модо» употребляется при выравнивании каравана оленей во время переездов по тайге; бакари — зимние высокие меховые унты (8). Писатель отмечает, что бакари у шаманки расшитые. Действительно, эвенкийские мастерицы всегда богато орнаментировали одежду и обувь полосками меха, кожи, цветной ткани, разноцветным бисером, ровдужной и суконной бахромой, кистями из нанизанных на ровдужный шнур цветных бус, трубочек цветной ткани и крашеного меха.

У Астафьева есть подтверждения того, что на эвенкийском языке могли разговаривать и русские, находившиеся с эвенками в тесном общении: «Он ее хватал, горячо нашептывал ей русские и эвенкийские нежные слова» (9).

Отмечая гостеприимство эвенков, писатель упоминает о том, как ранее, пользуясь данной чертой их характера, «начальник» или «полномощный» человек под именем Захар Захарыч или Иван Иваныч безнаказанно «шарился по северу будто по темному чердаку», легко обманывая наивных и доверчивых лесных людей, за бесценок забирая у них меха.

Автор глубоко возмущен действиями подобного рода плутов и хватов. И с каким же облегчением он восклицает после: «Но не пировать больше „полномощному“ человеку среди таежных просторов, не творить безалиментно ребятишек в любезно перед ним распахнутых избах и чумах...» (10).

Со страниц книги на протяжении всего повествования мы явственно ощущаем дыхание эвенкийской земли. Это проявляется через многочисленные приведенные здесь топонимы, определенные имеющие эвенкийское происхождение. Например, даны следующие названия поселков: Туруханск, Игарка, Усть-Мундуйки, Ербогачён; озеро Дюпкун; названия рек: Енисей, Ерачимо, Сурниха, Эндэ, Тунгуска.

Реку Нижнюю Тунгуску автор сравнивает с эвенкийской девушкой. Это не случайно: река — сама природа, девушка эвенкийка — «дитя этой природы». Река носит название народа — эвенков, чье самоназвание в прошлом — тунгусы. Сравнивает он девушку и реку еще и по манере наряжаться: «Одетая в каменное платье, украшенная по подолью тяжелыми блестками алмазов вечной мерзлоты, то жарким пламенем цветов по берегам бечевкам...» — со сменой времени года стремительно изменяется и «платье» реки. И «...она, это неожиданно красивая северянка в моднейшем платье, которое она бросит, как только платье начнет ломаться от грязи, и напялит на себя новое» (11). Раньше эвенки зимой носили одежду из оленьих шкур на голое тело. Оленья шкура, поскольку она имеет трубчатое строение, вбирала в себя грязь с тела, в связи с чем отпадала необходимость мыться зимой. Но на будущий год приходилось шить новую одежду, поскольку прошлогдняя от накопившейся грязи становилась холодной, ее не стирали, а выбрасывали.

Но главное сходство реки и эвенкийки — в их вечной молчаливой печали. «Никому еще не удалось объяснить эту вечную печаль северян, да и сами они объяснить ее не умеют, она живет в них, томит, делает кроткими добряками, которые,

однако, при всей простоте и кротости никогда никому до конца открытыми не бывают, и жизнь свою, особенно в тайге, на промысле обставляют если не таинством, то загадочными, наезжому человеку непонятными обычаями и ритуалами». Настоявшаяся, глубокая, древняя печаль «вызывала необъяснимую тягу к женщине, хотелось узнать, о чем думает, что видит она там, за белыми вершинами гор и „об чем гуляет?“» (12).

Внезапно открыл для себя автор реку: «да ее, вот эту реку, Нижнюю Тунгуску, которая, догадываюсь я, всю жизнь теперь будет звать, тянуть к себе молчаливой печалью... будет помниться подвижно — печальная Угрюм-река» (13).

Приведенные в тексте поверья, эвенкийская лексика, эвенкийские географические названия способствуют знакомству читателя с культурой эвенков, помогают автору наиболее полно отразить местный колорит, выразившийся в описании картин северной жизни, природы.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Астафьев В.П. Царь-рыба. М., 1980. С. 12–13.
2. Кэптукэ Г.И. Двухногий да поперечноглазый черноголовый человек — эвенк и его земля Дулин Буга // Северные просторы. 1991. № 4. С. 31–32.
3. Астафьев В.П. Указ. соч. С. 37.
4. Там же. С. 38–39.
5. Там же. С. 193.
6. Там же. С. 194.
7. Там же. С. 38.
8. Болдырев Б.В. Эвенкийско-русский словарь: в 2 т. Новосибирск, 2000.
9. Астафьев В.П. Указ. соч. С. 39.
10. Там же. С. 171.
11. Там же. С. 267.
12. Там же. С. 184.
13. Там же. С. 267.

ЭВЕНКИЙСКИЕ ЭЛЕМЕНТЫ В ФОЛЬКЛОРЕ ХАМНИГАН

*Сарюна Владимировна Гомбоева,
студентка
Бурятского
государственного университета,
г. Улан-Удэ*

Цель исследования заключается в том, чтобы выявить сходства между эвенкийским фольклором и фольклором закаменских хамниган.

Для этого мы проанализируем такие виды мифов, как космогонические и мифы с элементами этиологического мифа, а также обрядовый фольклор эвенков и хамниган.

Космогонические виды мифов — это мифы о сотворении мира, небесных тел.

В эвенкийском фольклоре есть космогонический миф о девочке-сиротке, которую забрала к себе Луна. В хамниганском фольклоре есть точно такой же миф, но с последующим запретом-оберегом: «Жила девочка с отцом и мачехой. Умер ее отец. Мачеха начала плохо к ней относиться. Вот однажды ночью приказала идти за водой на речку. Пришла девочка к речке, замерзла по дороге и не может набрать воды в ведро. Сидит плачет. Увидели это Солнце и Луна. Солнце говорит:

— Возьму я к себе ее.

А Луна отвечает:

— Дай я ее возьму. Ты днем ходишь, людей видишь. А я ночью совсем одна.

Так взяла Луна девочку».

Миф оканчивается запретом-оберегом: «Человек не должен ходить за водой ночью — иначе его заберет Луна».

Следующий вид мифов — *мифы первотворения*.

В мифах первотворения говорится о творении земли, человека, животных, растений. В хамниганском фольклоре, так же как в эвенкийском, имеет место миф первотворения с элементами этиологического мифа, т. е. с поясняющими элементами. К примеру: Бог (в эвенкийском фольклоре Сэвэки) на Средней земле делал из глины человека. На некоторое время он ушел в Верхний мир, и на Среднюю землю пришел черт (в эвенкий-

ском фольклоре Харги), сломал все сделанное Богом и ушел. Бог, увидев проделки черта, пошел на его поиски. По дороге он встретил ласточку и спросил ее, не видела ли она черта. Ласточка видела, куда удалился черт, но обманывает Бога, направляя его в другую сторону. Идет Бог дальше, ищет и не может найти черта. Вдруг он решает пойти в обратную сторону, и тут он догоняет черта, наказывает его и отправляет в Нижний мир. Придя домой, он зовет ласточку. Ласточка понимает, что Бог будет наказывать ее за вранье, и спасается бегством. Вдогонку ласточке Бог кидает свою тарелку. Тарелка, попав ей в хвост, раздвоила его. Бог сказал: «Теперь все твои потомки будут с раздвоенными хвостами». Так в мифе хамниган объясняется, почему у ласточек раздвоенные хвосты.

Этот миф схож с эвенкийским мифом, но только вместо ласточки в эвенкийском варианте Сэвэки наказывает собаку, впустившую Харги в чум, где хранились вылепленные из глины фигурки людей.

Общее в фольклоре эвенков и хамниган прослеживается и в их отношении к медведю. Эвенки считают, что медведь — их предок. «Медведь, говорят, наполовину человек — бэе калтакан» (1, с. 101).

Считалось, что медведь понимает человеческую речь. Поэтому, если на охоте медведь нападал на эвенка, он просил, заклиная его:

*Бабушка! Что же ты делаешь, фу, фу!
Бабушка, плохо так делать, плохо!
Младшего брата своего зачем губишь?
Братья родные ведь мы, фу, фу! — человек и медведь.
Медвежьи дети мы, фу, фу!
Грех совершаешь, нельзя
Брата младшего своего губить, нельзя!*

(1, с. 100).

Нередки случаи, когда медведь после таких слов отступал от человека. Отсюда у эвенков почтительное отношение к этому зверю и большое количество мифов, в которых он фигурирует.

Хамниганы считают медведя хозяином леса и так же, как эвенки, почитают его. У хамниган существует миф, где медведь был человеком:

«Жили муж с женой. Муж с охоты приносит всегда мясо, добытое как будто не человеком, а зверем: туша во многих местах была изодрана. Жена не могла понять, почему мясо такое изо-

дранное. Однажды она пошла за ним посмотреть, как он добывает мясо. Приходит в лес и видит: муж превращается в медведя и идет охотиться. И с этого времени хамниганы узнали, что медведь был человеком».

У хамниган также есть поверье, связанное с медведем. Если охотник увидит на дереве черту, оставленную медведем, то он должен снизу оставить свою черту, вызывая тем самым зверя на поединок. Медведь увидит черту и придет драться с охотником.

Эвенки считали медведя обладателем особых качеств, которые помещались в частях его тела. Лапу после свежевания вешали на дверную жердь чума для охраны здоровья членов семьи. Хамниганы тоже для защиты семьи использовали лапу и даже высушенный нос медведя. Они верили в способность этих амулетов отгонять зло от дома и подвешивали в доме над дверью. Лапу вешали для того, чтобы она не пускала людей со злыми мыслями. Нос служил препятствием для проникновения болезни, плохих запахов и т. д.

И в *обрядовом фольклоре* мы прослеживаем общие корни. К примеру, рассмотрим культ огня. При обращении к огню, прося его о чем-то, эвенки говорят: «Бугакакун, боридякал!» (Небо Буга, одаривай). И верили: «Небо Буга обязательно услышит просьбу, так как оно угощается через огонь» (2, с. 12). Хамниганы, угощая огонь, обращаются к небу: «Хранительница очага, Хранительница счастья, открытое необъятное Небо! Помоги нам». Просьбы могли быть разными: об охотничьей удаче, о счастье в семье, здоровье детям и т. д.

У хамниган есть миф, связанный с огнем:

«Говорят, что если человек знает 70 языков, он будет знать язык огня. Вот был такой человек. Пришел он однажды к знакомому в гости. И услышал, как разговаривают два огня. Один огонь спрашивает другого:

— Почему ты такой изодранный, весь в ранах, в синяках и в лохмотьях?

Тот отвечает:

— Мои хозяева меня не кормят. Их дети постоянно меня колот чем-нибудь острым. Мне не дают лоскутки (хамниганы всегда при покупке ткани подносили лоскуток огню, угощали пищей).

— Приходи жить ко мне, мои хозяева всегда угощают меня. Никогда не обижают.

— Приду! Но сначала проучу своих хозяев: сожгу их дом.

— Твой хозяин взял у нас седло. Только его не трогай.

— Хорошо.

Так огонь сжег дом, проучил своих хозяев. И только седло оставил».

У хамниган существует множество запретов, связанных с огнем, которые существуют и в эвенкийском фольклоре:

— Нельзя класть в огонь острые предметы.

— Нельзя рубить дрова возле огня. Щепки будут лететь в огонь.

— Нельзя бросать в огонь ненужные вещи...

Все эти мифы рассказаны моей матерью Натальей Дансаруновой Гомбоевой (1945 г. р.) и ее родственницей Дулмой Сосоровой Шагжиевой (1924 г. р.). Они являются уроженками села Мыла Закаменского района из рода заектаев.

Таким образом, сравнительное исследование некоторых элементов фольклора, в частности космогонических мифов, мифов первотворения, обрядового фольклора эвенков и хамниган Закаменского района, выявило общие черты. Это, безусловно, подтверждает их единые исторические корни.

ЛИТЕРАТУРА

1. Варламова Г.И. Мировоззрение эвенков: Отражение в фольклоре. Новосибирск, 2004.

2. Мазин А.И. Традиционные верования и обряды эвенков-орочонов. Новосибирск, 1984.

3. Раднаева Е.Б. Культ медведя у эвенков и его образ в фольклоре // Актуальные проблемы языков, истории, культуры и образования стран АТР: материалы докладов 3-й Международной конференции студентов, аспирантов и молодых преподавателей. Владивосток, 2003. С. 205–209.

ПИСЬМА С УГРЮМ-РЕКИ

(ЗАПИСИ ИЗ ПОЛЕВОГО ДНЕВНИКА 2005 ГОДА)

*Михаил Григорьевич Туров,
кандидат исторических наук,
доцент
Иркутского государственного
университета,
г. Иркутск*

Деревни, как острова-атоллы
в безбрежном океане тайги

Название Катанга (в отличие от названия государства в Африке) имеет ударение на первом слоге и употребляется как бытовое наименование одного из самых северных районов Иркутской области. Катангский район образован в составе области в 1937 году и простирается в верхней части бассейна Нижней Тунгуски на площади более 139 тысяч квадратных километров. Название района, очевидно, связано с одноименным местным эвенкийско-якутско-русским обозначением реки Нижней Тунгуски в ее верхнем течении. Известный словарь топонимов Э.М. Мурзаева каких-либо определенных намеков на этимологию этого названия практически не содержит. Можно лишь предполагать его соответствие гидрониму *Хатанга*. Допустимо также предположение, что происхождение рассматриваемого нами «народного гидронима» может быть связано с якутским «*катун~хатун* — хозяйка, жена богатыря». Данное толкование перевода топонима *Катанга* записано нами в середине 1970-х годов со слов местных якутов, поселившихся на этой территории еще во второй половине XVIII века. Однако автохтоны этого района — эвенки и, очевидно, вслед за ними русские старожилы производят этот гидроним от *hama; kama* (сухой-тощий; сохнувший от засухи).

В народной молве, среди старожилов района бытует легенда о том, что «дореволюционная» история района и в том числе второе название реки связано с именем известного сибирского русского писателя В.Я. Шишкова. Большинство жителей убеждено, что суровая красота района, добродушие его старожилов и же-

стокая проза жизни в забытой богом и самодержавными чиновниками таежной глухомани навяли писателю основную сюжетную картину его романа «Угрюм-река». Старый, немного подлатанный домик, в котором писатель ненадолго поселился в центре района — селе Ербогачён, до сих пор стоит на крутом береговом обрыве реки. Из его окон, обращенных на реку, далеко видны временами мрачные, временами веселые, но неизменно поэтические картины. Обнесенный новой оградой и вместе с новыми строениями, домик В.Я. Шишкова, как и до 1917 года неприметный для властей и содержащийся стараниями бывшего школьного учителя А. Кронштейна, выпестовавшего в свое время лидера российских звенков М. Монго, именуется сегодня районным Музеем истории и краеведения.

Наши этнографические изыскания производились после десятилетнего перерыва, вызванного отсутствием финансирования работ в этом районе. Цель работ 2005 года состояла прежде всего в выяснении тех изменений в эвенкийском охотничье-оленьеводческом социуме, которые, как стало нам известно из косвенных источников, в постсоветский период затронули практически все сферы свойственного ему традиционного быта, хозяйства и культуры. Нынешний выезд в район состоялся с 15 апреля по 8 мая, был ограничен по времени и потому предусматривал проведение работ среди численно небольшой группы кочевых звенков — охотников-оленьеводов. Вместе с тем в ходе работ 1993–1995 годов, производившихся в период наиболее бурных и драматичных событий перестройки, появилось достаточно четкое ощущение того, что связанные с нею процессы «капитализации» экономики и «модернизации» всей сферы идеологии и сознания затронули не только группы так называемого коренного, но и «переселенческого» населения района.

Уже в те годы из наших материалов следовало, что принятое в официальных источниках деление полиэтничного населения Севера на «коренных малочисленных», «коренных (но, увы) не малочисленных» и «русскоязычных переселенцев» далеко не адекватно реальному уровню «укорененности» последних, степени их интеграции в «нетрадиционных» сферах хозяйственной деятельности — промысловой охоте товарного и потребительского назначения, рыболовстве и транспортном оленеводстве. Более того, из опросов разных возрастных и этнических групп населения следовало, что большая часть «катангчан», за исключением, пожалуй, лишь осевших в районе в начале 1990-х годов работников расформированных геологических экспедиций, идентифицируют себя «коренными». Этнографические группы русского старожилго населения, родословные которых восходят к ранним этапам

«русского освоения» этой территории (XVII–XVIII вв.) и связываются с выходцами из северных губерний Европейской России, уже в начале XX столетия фактически не помнили о своей «европейской прародине», именовали себя «сибиряками» и тем самым противопоставляли себя «расейским».

Подобное противопоставление характерно для сибиряков вообще и отмечено во многих научных изданиях. В отношении русского старожилого населения Катанги, в частности, оно мотивировалось тем, что, расселяясь в непривычной для «русского европейца» природной среде, численно небольшие общины переселенцев заимствовали у автохтонов-эвенков достаточно большое количество элементов культуры таежных охотников. Следы этих заимствований до настоящего времени прослеживаются в бытовой и промысловой лексике, в приемах и способах обустройства охотничьих угодий, в промысловой одежде и инвентаре и т. п. Кроме того, уже в начале «русского периода» этнокультурной истории района малочисленные группы русскоязычных переселенцев через межнациональные браки, через обоюдную «передачу на воспитание» детей постепенно все более приобретали все признаки метисированного населения. Традиционные для русского крестьянства, которое и было вначале основным источником формирования «русских катангчан», занятия малопродуктивным земледелием, огородничеством и животноводством не обеспечивали всех потребностей в средствах жизнеобеспечения. По этой причине большая часть русских крестьян активно занималась товарным пушным промыслом, потребительскими зверовыми охотами и рыболовством.

Это соотношение «традиционно русских» и нетрадиционных видов хозяйственной деятельности сохранялось в Катангском районе до середины 1960-х годов. При этом в организованных колхозах (по числу состоящих в них работников их более верно можно было бы назвать «сельхозартелями») наряду с русскоязычным населением числились и переведенные на оседлость группы эвенков и якутов. Остальная часть «коренных» жителей района либо, образуя моноэтничные по составу поселения, числилась в колхозах с доминирующими добывающими отраслями хозяйства (охота, оленеводство транспортного назначения, товарное рыболовство и звероводство), либо, сохраняя в индивидуальном владении домашних оленей (от 5–10 до 150–200 голов на хозяйство), вела кочевой образ жизни и выезжала из тайги лишь два-три раза за год.

После многочисленных «укрупнений» и «преобразований» колхозы-сельхозартели в районе фактически прекратили свое

существование. Основная часть трудоспособного мужского населения перешла в состав образованных в районе двух коопзверопромхозов. Какое-то время за структурой коопзверопромхозов сохранялись обязанности содержания немногочисленного стада дойных коров и связанные с этой отраслью виды деятельности, небольшие по размеру (даже в южной части района, наиболее благоприятной для земледелия) участки пашни и сенокосов. Однако уже в начале 1970-х годов по ряду причин и в первую очередь в связи с прекращением деятельности «сельхозартелей» и убыточностью земледелия и животноводства сфера трудовой занятости для основной части мужского населения ограничилась сезонными таежными промыслами и временными малоодоходными видами работ. Женская же половина населения с момента расформирования колхозов перешла в весьма узкую сферу трудовой деятельности — медицинские учреждения, школы, торговля и т. д.

Следует отметить также то, что бытовые условия жизни и формы хозяйственной деятельности эвенков и якутов уже к середине 1980-х годов практически мало отличались от быта и системы хозяйствования русскоязычных переселенцев. Уже в те годы рацион питания оседлых эвенков и якутов, постоянно живущих в русских или организованных по «русским» (советским) образцам «национальных» (д. Тетя, Хамакар, Инаригда, Наканно) поселениях, существенным образом «русифицировался». Элементы русского быта, более традиционные для русских старожилов сезонные «экспедиционные» методы опромышления охотничьих и рыболовных угодий стали для этой категории «автохтонов» района обычным и в известной мере традиционным явлением. «Русские» формы организации поселений и связанные с ними элементы «русского» быта (стационарные зимние жилища, хозяйственные постройки), заимствованные (а точнее, введенные административно) «русские» методы добычи пушнины, покупные (или, как говорят эвенки, — «советские») продовольственные товары стали активно внедряться в жизнь не только молодого, но и старшего поколения семей кочевых эвенков, чьи хозяйства сочетали пушную и зверовую охоту с оленеводством и рыболовством потребительского назначения.

Еще десять лет назад появились некоторые признаки того, что начатые в 1987 году программные «изменения в национальной политике в отношении коренных малочисленных народов» (в том числе обсуждение вопросов о приоритетных правах коренных малочисленных народов на освоение «этнических — родовых территорий традиционного природопользования») наряду с ожидаемым действительно положительным эффектом внесут в

жизнь всего многонационального населения района (неожиданно для авторов «Программ о ...») массу непросчитанных негативных результатов. Само по себе обсуждение «приоритетов», а за ними и ряд законодательных актов в своей основе предусматривали защиту территорий хозяйствования коренных малочисленных народов Севера от их бесконтрольного индустриального освоения. В Катанге, где индустрией «не пахнет» до сих пор, все это было справедливо воспринято «некоренной» частью жителей как покушение на их безусловные права, на ставшие традиционными основные источники жизнеобеспечения. Наши информанты из числа русских старожилов искренне недоумевали и задавались вопросами: «На каком основании живущие в поселках эвенки получили исключительное право на добычу лося для пропитания?»; «По какой причине русский старожил, испокон века обживающий „свои родовые“ охотугодья, берущий из них лишь необходимый для жизни годовой запас терио- и ихтиофауны, обязан, чтобы не считаться браконьером, покупать лицензии?»; наконец, «Почему право закрепления родовых охотничьих угодий в долговременное пользование распространяется лишь на эвенков и якутов, часть из которых осваивает те или иные их участки угодий относительно недавно (с начала 1960–1970-х гг.), и не касается тех „укорененных“ русскоязычных жителей, которые осваивают одни и те же угодья в протяжении пяти-шести поколений?»

Возникающие на этой почве противоречия и прямые конфликты разделили на «чистых и нечистых» не только группы русского старожилого и эвенкийско-якутского населения, но и группы собственно эвенков и проживающих чересполосно с ними якутов. Естественным представляется то обстоятельство, что бывшие «экспедиционники», потерявшие в начале 1990-х годов все ранее доступные средства существования от профессиональной деятельности, стали вынужденно полуофициально и неофициально заниматься сетевым ловом рыбы, зверовой и пушной охотой. Именно они чаще всего рассматриваются представителями «старожилого» и «коренного малочисленного» населения района в качестве злостных нарушителей закона.

Как уже отмечено, цель нашего кратковременного экспедиционного выезда в район состояла в первую очередь в ознакомлении с современным бытом и жизнью кочевой группы эвенков. Для проведения работ, как и десять лет назад, мы избрали зимнее стойбище нашего старого знакомого — эвенка Л.П. Сычегира, рядом с которым (в 12 и 25 км) располагались зимние стойбища еще двух эвенкийских семей — Е. Голина и В. Сычегира. Однако уже по приезде в районный центр, село Ербогачён, мы вольно или не-

***Базовое зимовье на весеннем стойбище семьи
Л.П. Сычегира (речка Чургикан, 180 км
от села Ербогачён). Фото М. Турова, 2005 г.***

вольно скорректировали программу работ, и собранный материал характеризует состояние быта и культуры ближайших к месту нашего базирования групп коренного и русскоязычного населения.

Прежде всего отметим, что за истекшие десять лет общая численность всех этнических групп населения сократилась в два с лишним раза и вернулась к отмеченной в начале 1950-х годов, т. е. к четырем с половиной тысячам. Из некогда довольно многочисленной группы постоянно живущих в тайге охотников-оленоводов сегодня осталось три семьи. Существенно сократилась численность находящихся в частном владении домашних оленей. Причина того — неоднократные пожары, уничтожившие

значительные площади пастбищ на территории традиционного хозяйствования эвенков, а также потравы волков.

В целом же, если говорить о быте и экономике населения района, то их состояние можно характеризовать признаками середины прошлого XX века, странным образом перемешанными с достижениями «современной цивилизации». По сравнению с 1980-ми годами значительно выросло количество личного «автотранспорта». Практически в каждой семье русских, эвенков и якутов, чья «мужская» работа связана с промыслами, имеются снегоходы «Буран».

Практически в каждой семье есть цветной телевизор, видеомагнитофон. Некоторые обзавелись компьютерами и благодаря отстроенной в конце 1990-х годов сети спутниковой связи вышли в Интернет. Одевается население, особенно в районном центре, «по-городскому». В магазинах (практически все коммерческие, государственные, даже «потребсоюзовские» «приказали долго жить») достаточное, по сельским меркам и в сравнении с 1970–1980-ми годами, разнообразие продовольственных и промышленных товаров.

Признаки «цивилизации» сегодня наблюдаются в быту и хозяйственной деятельности и тех немногих эвенкийских семей,

Хозяева и гости на промежуточном зимовье Л.П. Сычегира (река Чургикан). Фото М. Турова, 2005 г.

которые в течение всего года постоянно живут и работают в своих таежных угодьях. Сегодня кочевые семьи эвенков, по примеру некоторых русских охотников, живущих в тайге с осенних заморозков до ледохода и начавших готовить вышки для спутниковых телевизионных антенн, тоже готовятся к этому новшеству (во всяком случае, всерьез обсуждают перспективы расширения своего традиционно узкого «информационного пространства»).

Особенное впечатление на меня произвели произошедшие за последние десять лет изменения в рационе питания. На накрытом по случаю приезда гостей столе я с удивлением обнаружил среди традиционного мяса и рыбы, уже «освоенной» эвенками картошки такие непривычные ранее продукты, как салат из крабовых палочек с майонезом, салат «оливье», салат из редьки с чесноком.

Трудно сказать с каких пор, но определенные изменения в формах организации промыслового освоения угодий сегодня наблюдаются в хозяйстве всех известных нам семей кочевых охотников-оленеводов. Из наблюдений начала 1980-х годов нам было известно, что зимние стойбища и весенние долговременные стоянки эвенков, ежегодно используемые в сезон отела оленей, были еще в 1970-х годах оборудованы стацио-

Вышка для спутниковой антенны на зимовье русского охотника (река Кочема). Фото М. Турова, 2005 г.

нарными, рубленными по типу русских зимовий, жилищами, такими подсобными помещениями, как гараж для снегохода, амбар для хранения горючего и моторных масел, а также баней и прочими строениями (включая традиционные лабазы для продуктов и снаряжения). По информации семьи Л.П. Сычегира, эти стоянки и зимовья, располагающиеся на расстоянии 10–15 километров одно от другого, используются в сезон весенних заготовок пушного сырья в качестве баз для опромышления угондией маршрутным методом. В определенной степени такая организация промыслового хозяйства напоминает традиционные формы, известные с начала – середины XX века. Новшество состоит в том, что вместо прежнего переносного чума, покрываемого ровдугой, в качестве жилища служит зимовье. Однако ровдужное покрытие остова чумов, как поясняют эвенки, все же возят с собой по всему весеннему пути кочевания («на всякий случай»).

На перечисленном признаки «цивилизации» XXI века в катангской «глубинке» можно закончить, но, пожалуй, следует указать еще один. Сегодня поселковая электростанция в Ербогачёне (кажется, еще в Непе и Преображенке) работает не на солярке, ежегодно в прежние годы завозимой в район речными баржами по «высокой воде» (с 20–22 мая по 15–20 июня) и по «зимнику», а на собственном топливе, добываемом на разведанных в районе месторождениях высококачественной нефти (известные Верхне-Чонский и Непский районы нефтегазоносных полей).

А вот теперь — действительно все. Остальное в жизни, хозяйственной деятельности и социально-бытовой сфере жителей района как бы вернулось к тем «статистическим показателям», которые известны по архивным материалам и рассказам стариков о 1940–1950-х годах.

С 1980-х годов в районе начали базироваться ряд крупных стационарных геологоразведочных и геофизических партий, которые вели поиски и подготовку к промышленному освоению месторождений углеводородного сырья, запасов калийных солей, угля и других полезных ископаемых.

В начале 1980-х годов наметилось также бурное развитие авиатранспортной службы района. На смену морально и технически устаревшим Ли-2 пришли мощные современные до сих пор Ан-12, Ан-24, Ан-26, Ан-26Б. Развитие авиaperевозок способствовало естественному росту числа работавших на «большую» (по меркам Катанги) авиацию, существенному увеличению численности диспетчерского, авиатехнического и прочего обслуживающего персонала Катангского аэропорта. Это для хронически

***Стойбище весеннего сезона промысла на речке Чургикан.
Фото М. Турова, 2005 г.***

«бюджетного», «дотационного» района, содержащего все сферы экономического, социального и бытового обслуживания населения за счет безвозмездных отчислений из областного бюджета, было одним из наиболее важных признаков того, что Катанга из «глухого медвежьего угла» или, как его именовало областное начальство, «спального» (т. е. погруженного в круглогодичную «спячку») района в перспективе может преобразоваться во вполне развитый промышленный. Таким прогнозам способствовало обсуждение проектов так называемого Верхне-Ленского торгово-промышленного комплекса (в его обсуждении я, в компании с руководством Катанги, принимал участие в 1990 г.). Этими проектами, кроме развития нефтедобывающей отрасли и освоения одного из крупнейших в мире месторождений высококачественных калийных солей, предусматривалось строительство постоянно действующей автодороги, связывающей Катангу с Киренском, Усть-Кутом и далее на юг, строительство одноколейной железной дороги (в перспективе — две колеи).

Перечисленного для тех, кто мало-мальски знает, что такое Север, и понимает все плюсы и минусы его индустриального развития, достаточно. Во всяком случае, из моего общения с отдельными жителями района (всех рангов и сословий) создавалось впечатление, что основная масса населения увидела впереди

«нечто похожее на цивилизованную жизнь». Впрочем, многие, в особенности имеющие среднее и высшее образование, увидели в индустриализации района угрозу как экологии, так и традиционному укладу жизни, в основе которого лежали охота, рыболовство и оленеводство. Основания для таких опасений, разумеется, были, и они состояли не только в том, что примеры негативных последствий промышленного освоения Севера через радио и периодическую печать широко известны. Но с началом перестройки надежды на «индустриализацию», а с ними и дискуссии по поводу связанных с нею «плюсов и минусов» постепенно ушли, выпали из бытовой и производственной сфер жизни вместе с геологическими экспедициями, обслуживающей их малой авиацией (вертолетами), регулярным снабжением «дефицитными товарами» и т. д. и т. п.

Некоторые надежды, вместо утраченных, появились в связи с декларированием в начале 1990-х годов «прав коренного населения на территории традиционного природопользования», с публикациями на тему о переводе этих земель то ли в частное пожизненное наследуемое владение, то ли в долгосрочную безвозмездную аренду. Особые надежды на все эти проекты возлагало эвенкийско-якутское население района, которое,

*Грузовые олени нарты (стойбище Чургикан).
Фото М. Турова, 2005 г.*

*Ездовые олени нарты (стойбище Чургикан).
Фото М. Турова, 2005 г.*

судя по всем признакам, попадало в категорию коренных и даже малочисленных народов. Правда, якуты, составляющие значительную часть жителей поселка Хамакар, как потом оказалось, по своей этнической принадлежности к «титульному» населению Саха (Якутии) не могущие претендовать на звание «малочисленных», не могли также рассчитывать и на большую часть льгот и привилегий, коими свыше наделялись «действительные» представители коренных малочисленных народов. Во всяком случае, до 2001–2002 годов и эвенки и якуты искренне верили в то, что, соединяясь в «национальные поселковые общины», переводя их из разряда «общественных организаций» в категорию «юридических лиц», на которых распространялось право совместного владения прежде осваиваемыми в индивидуальном порядке «родовыми» охотничьими угодьями, они смогут самостоятельно решать все экономические проблемы, определять направления своего социального и, главное, культурного развития. Впрочем, как мне представляется, основные надежды на «национальные общины» связывались у эвенков и якутов с желанием противопоставить что-то новое диктату действовавшего тогда (и, кстати, действующего до сих пор) монополиста в единственной доходной отрасли хозяйства района — пушном промысле.

В 2005 году, прилетев в Ербогачён и беседуя с некоторыми жителями, фамилии которых, по их просьбе, не буду называть, я с удивлением узнал, что большинство эвенкийских «национальных общин» района сформированы весьма странным образом. Дело не только в том, что вместе с официально признанными «коренными малочисленными народами» эвенками в них «зачислены» вроде бы не по статусу «не малочисленные» якуты. Это еще полбеды. И если учесть то, что основа экономики якутов базируется на столь же традиционных, как и у эвенков, видах хозяйства, таких как охота и транспортное оленеводство, то их включение в состав «национальных общин» не только оправданно, но и целесообразно. Более удивительно то, что в состав «эвенкийских общин» вошло достаточно большое число так называемых некоренных и тем более не малочисленных, т. е. русских старожилов и русскоязычных жителей Катанги. Впрочем, удивляться нечему. Весь смысл объединения в общины и причисления себя к «национальным этнокультурным общинам» состоял в том, чтобы, как и эвенки, получить официально признанное за ними право приоритетного, бессрочного пользования родовыми угодьями при условии их традиционного (т. е. промыслового) освоения.

Как попали в число членов «эвенкийских» общин с правами юридического лица все неэвенки — разговор отдельный, а сама по себе «технология» зачисления довольно проста и общеизвестна. Более того, большой беды, каких-то чрезвычайно криминальных нарушений в этом, если учитывать уже сказанное по поводу моего отношения к прецеденту разделения населения Катанги на коренных и некоренных, я лично не вижу. Гораздо хуже другое. Выйдя из структуры закрытых акционерных обществ «Сибирь» и «Катангская пушнина» и перейдя под юрисдикцию образовавшихся новых производственных объединений, которыми с 2000 года становятся «национальные общины», эвенки фактически передали последним все юридические права на ранее закрепленные за ними индивидуальные участки «родовых» охотничьих угодий. Однако реальность деятельности новых производственных структур такова, что, не имея практически никакой материально-технической базы для своего развития (все производственные помещения, инвентарь, транспорт и т. д. были приватизированы и остались во владении закрытых акционерных обществ), общины сегодня занимаются лишь закупкой пушнины у своих общинников, ее реализацией на областных пушных аукционах и, в какой-то мере, снабжением членов общины оружием и боеприпасами. Очевидно, именно этим и объясняется то, что в разговоре со мной почти все эвенки гово-

***Дочь Л.П. Сычегир Елена Сычегир в зимовье
на стойбище Чургикан. Фото М. Турова, 2005 г.***

рили о своем намерении выйти из общины. Единственное, что их удерживает от этого шага, — это неопределенность в вопросе об угодьях. Хотя согласно российскому законодательству о коренных малочисленных народах Севера угодья вроде бы им и принадлежат, но большая часть эвенков опасается, что, выйдя из общины, они потеряют право на приоритетное пользование ими. Свои опасения эвенки мотивируют тем, что «национальная община» обладает теперь правами юридического лица — общественного землепользователя, а права договорременного пользования угодьями на физических лиц, по тем же законодательным актам, не распространяются.

В целом же современная жизнь жителей Катанги, как уже говорилось, полна если и не пессимистических, то отнюдь не оптимистических ожиданий. По сравнению с 1980–1990-ми годами район снова погрузился в «спячку». Малая авиация, за исключением чрезвычайных ситуаций (пожары, угроза жизни человеку, приезд областного начальства, ежегодные медицинские обследования населения комиссией врачей из областного центра и т. п.), фактически не работает. В большей части средних и тем более в мелких населенных пунктах население перешло к освещению «дедовскими» средствами — керосиновой лампой, которую заправляют соляркой (да и то если она есть). Соответственно — не работает телевизор, холодильник и прочая бытовая техника.

Большая авиация — рейсы Ан-24/26 из Иркутска, летает теперь не через Киренск, а через Усть-Кут, да и то один раз в неделю в осенне-весенний период и два раза в летний. Причина того — резкое сокращение числа потенциальных пассажиров. Сегодня не всякий житель района может позволить себе роскошь оплатить проезд в оба конца (не учитывая стоимость багажа), поскольку стоимость его (от 7 до 9 тысяч рублей) немногим меньше стоимости экономкласса рейса Иркутск–Москва.

На фоне увиденного в этом году несколькими странноватыми кажутся недавно полученные мною из областного Департамента по делам Севера и прорецензированные Программы экономического и социального развития коренных малочисленных народов Иркутской области на 2006–2011 годы. При всей добросовестности проделанной исполнителями работы нелепыми и слабо эффективными, а в ряде случаев и просто бессмысленными представляются несколько пунктов. Разбор проекта в целом — отдельная задача, поэтому ограничусь лишь двумя пунктами.

Первый называется «Развитие оленеводства». Я уже упоминал о том, что эта отрасль традиционного хозяйства сегодня среди эвенкийской молодежи не популярна. Не только из-за условий жизни и быта, но, как я полагаю, по той причине, что

Промежуточное зимовье весеннего сезона пушного промысла на половине пути от постоянного зимнего стойбища — «тугэдзек» — семьи Л.П. Сычегира. Фото М. Турова, 2005 г.

само оленеводство в его современном «транспортном» варианте в эпоху «моторов» нерентабельно, а без развитого рынка сбыта товарной мясной продукции — бессмысленно и обречено на неудачу. Еще большее удивление вызвало то, что «развитие оленеводства» предполагает строительство «оленеферм», т. е. завод в районы севера Иркутской области и в Тофаларию домашних оленей и круглогодичное их содержание в больших «огородах». Я уже не говорю о том, что опыт изгородного содержания оленей, предпринятый в ряде северных регионов бывшего СССР, закончился неудачей. Само население, для которого это мероприятие, с благими намерениями, задумано, никак не может отрешиться от мысли, что загнанные в «огороды» олени в силу своей экологии и этологии обречены на стопроцентное самоуничтожение.

Второй пункт проекта именуется «Создание факторий». Удивляет в нем не столько то, что основная масса населения Катанги уже давно осела на поселение в «русских» поселках и снабжается всеми товарами через существующую сеть государственной и коммерческой торговли. Очевидно, за идеей создания «торгово-закупочных» факторий, привычной для кочевого быта охотников-оленеводов структуры, связующей «торговца» с «потребителем» товара непосредственно в местах его концентрации (т. е. на стойбищах), просматривается другая цель. А именно — противопоставить новые (?) торгово-закупочные организации диктату старого монополиста — бывшего коопзверопромхоза, нынешнего ЗАО «Катангская пушнина». В самой этой мысли ничего порочного я не вижу. Одно не совсем ясно: как и за счет чего создаваемые (возрождаемые из эпохи 1930-х гг.) фактории будут успешно, безубыточно конкурировать со старой, сложившейся еще в советский период и ныне акционированной с сохранением всех «связей» и материальных ресурсов системой потребительской кооперации, государственной и, главное, необычайно разросшейся за последнее десятилетие системой коммерческой торговли. Не выходит из головы моей и вопрос о том, на какие средства будут строиться здания самих факторий, если в число выделенных по проекту расходов на это мероприятие включено и создание проектно-сметной документации. Сколько это стоит по нынешним временам, известно, а сколько останется на само строительство — покажет будущее. Наконец, кто будет работать на факториях? Государство в лице нанятых им служащих? Частное лицо? Кто, наконец, «заказывает» всю эту «музыку»? Вопросы, на мой взгляд, не простые.

На этом, пожалуй, в моих изложениях записей в экспедиционном дневнике можно поставить точку. Бог даст, мой выезд в район состоится и в будущем году и в последующих. А это значит, есть надежда на то, что мои наблюдения пополнятся новыми материалами, а мои мрачные мысли и прогнозы рассеются или не сбудутся.

P.S. (спустя два года). К сожалению, мрачные мысли не развеялись, а радужные надежды не сбылись. ЗАО «Катангская пушнина» окончательно обанкротилось. Его директор, на которого по старой народной традиции «вешали всех собак» и обвиняли во всех смертных — настоящих и мифических, грехах, ушел в мир иной. Кто теперь завозит охотников и продукты в тайгу, кто держит в руках неуклонно стремящееся к мелкотоварной индивидуальщине охотничье хозяйство — бог весть.

Ушел в мир иной, так и не дождавшись медицинской помощи, мой старый приятель Петро Сычегир. А его отец, Лазарь Петрович Сычегир, которому семьдесят с лишним лет, как и прежде, жалуется на больные ноги (болят, совсем отказываются ходить) и все не дожидается возврата тех времен, когда врач охотно и регулярно наезжал в тайгу.

Новый «хозяин» Катанги — богатый инвестор-нефтедобытчик, объезжает свои будущие «уголья», сулит местным старожилам скорое экономическое и социальное процветание. Верится, что так оно и будет, ведь XXI век на дворе, доколе быть Катанге медвежьим углом. Да что-то чешут под шапкой в затылке старожилы и все думают: «А не изгадит ли нефтяная труба наш дом — тайгу? Как жить будем?»

Вот и я думаю, когда же заработают во всю мощь многочисленные концепции и программы социально-экономического и культурного развития районов Севера?

ПРИЗРАК НЕФТЕПРОВОДА: ИСТОРИЯ ОБ ЭВЕНКАХ СЕВЕРНОГО ПРИБАЙКАЛЬЯ

*Анна Анатольевна Сирина,
кандидат исторических наук,
старший научный сотрудник
отдела Севера
Института этнологии
и антропологии РАН,
г. Москва,*

*Гейл Фонда́л,
доктор,
специалист в области культурной
и юридической географии,
Университет
Северно-Британской
Колумбии,
Канада*

Сибиряки долго будут помнить многолюдные митинги в защиту Байкала от нефтяной трубы. Люди разных возрастов и социального положения объединились, чтобы защитить святое. О накале страстей, вызванных нефтяным проектом, напоминают еще оставшиеся кое-где в Иркутске надписи и рисунки на стенах домов, на асфальте: «Будь бдителен!», «Борись за нашу общую жизнь — скажи нет трубе!». Байкал и все мы были в опасности. Но особенно риску подверглись люди, чьи предки жили на севере Байкала еще до начала колонизации Сибири. О них не писали газеты, не рассказывали телевизионные передачи, и все же именно те из них, кто ведет традиционный образ жизни на своих исконных территориях, формально защищены федеральным законодательством. Это эвенки (прежнее название — тунгусы), коренной малочисленный народ Севера. Летом 2005 года мы — двое исследователей — этнограф и географ — выехали к эвенкам Северного Прибайкалья. И вот что нам удалось увидеть и узнать.

В Северобайкальском районе, через который планировали провести нефтепровод, живут 711 эвенков. Они расселены в четырех эвенкийских муниципальных образованиях: Киндигирском, Чильчигирском, Байкальском и Куморском. В зону непосредственного воздействия проекта строительства попадали села Холодное

и Душкачан Киндигирского муниципального образования и село Уоян (оно же — Старый Уоян) Чильчигирского муниципального образования.

Территориально северобайкальские эвенки относятся к Бурятии. Но на фоне других групп эвенков Бурятии — баргузинских, баунтовских, живущих по соседству с бурятами-скотоводами и вобравших многие черты культуры соседей, северобайкальские эвенки имеют особые черты. Север Байкала вошел в границы Бурятской АССР в 1923 году; до этого административно относился к Верхоленскому округу Иркутской губернии и к Баргузинскому округу Забайкальской области. Исторически эвенки Северного Прибайкалья тесно связаны с русскими, которые появились здесь в 1646 году. Тех из русских, кто успел поселиться и прижиться в этом медвежьем углу до начала XX века, можно назвать русскими сибирскими старожилками, хотя их конкретный состав самый разный — потомки казаков, крестьян, ссыльно-поселенцев. Еще в начале XX века русские здесь выращивали хлеб, занимались рыболовством, охотой и скотоводством. Общая численность русских старожилков в границах современного Северобайкальского района составляла около 2–2,5 тысячи человек.

В 1920-х годах на севере Байкала работал этнограф Елпидифор Иннокентьевич Титов. Он составил тунгусско-русский словарь, исследовал культуру эвенков. Уже тогда ему бросилась в глаза особая этносоциальная среда. Он отметил, что часть северобайкальских эвенков обрусела, а местные русские заимствовали черты тунгусской культуры. «...Все русские в Куморе, в Иркани и в Ченче говорили по-эвенкийски. Почему так говорили? Это те, которые местные-то, они произошли все от эвенков», — рассказывает эвенкийка бабушка Лекарева. Жили вольно и крепко, постоянным трудом. Добраться в эти удаленные места в прошлом было трудно, и каждый новый человек был на виду. Деревни, в которых жило такое смешанное население, сейчас укрупнены. Эвенкийское и местное русское население отличается демократичный характер: люди считают, что поскольку живут вместе, то все и должны считаться местными и в случае каких-то проектов, опросов, компенсаций должны быть учтены интересы всего населения.

Корень, который связывает старожилков района с эвенками, важен. Для кого-то он, этот корень, дает возможность восстановить идентичность, раздобыть документы и получать едва ли не единственную сохраненную для здешних эвенков льготу — относительно свободно, по сравнению с другими группами населения,

ловить рыбу, которую раньше они ловили здесь безо всяких лицензий.

Принадлежность к эвенкийской национальности открывает возможность заявить права на территории традиционного природопользования. На севере Байкала есть община эвенков «Улуки». Одна семья и еще несколько человек держат оленей, охотятся, рыбачат. Сюда с удовольствием приезжают зарубежные туристы — покататься на оленях, лыжах, «Буранах», полюбоваться природой, попариться в баньке, порыбачить...

Для других важны не льготы, а сама эта ниточка-тропочка назад, в историю, а значит, и вперед, в будущее. Таков очень интересный художник В.П. Колмаков, нижнеангарский затворник, которому незримая, но важная связь с предками-эвенками дает дополнительный стимул для жизни и работы. В его мастерской соседствуют реалистические полотна с гобеленами в необычном символическом стиле с вкраплениями национальных мотивов. Так же серьезно, как 100 лет назад эвенки шили кумаланы — нарядные коврики из разноцветных кусочков меха, так кропотливо и вдумчиво работает Колмаков над своими гобеленами. Названия его полотен: «Шаман», «Удачливый охотник», «В гостях у дедушки», «Дух».

Северный берег Байкала. БАМ проходит через поселок Нижнеангарск. Фото А. Сириной, июль 2005 г.

Многие поднимают архивы, восстанавливают свое прошлое, узнают, откуда они родом. Кто-то успел, а кто-то опоздал. Летом 2005 года районный архив, в котором хранились документы по истории района начиная с XVIII века, находившийся в Нижнеангарске, сгорел. Что-то сохранилось благодаря директору музея в Нижнеангарске Н.К. Киселевой и ее коллегам в селах и деревнях района. Проводя для нас экскурсию, она показала стенды, на которых восстановлены родословные древа известных жителей района. Многие из них связаны своим происхождением с эвенками, с местной землей. В музее сохранилась метрическая книга села Байкальское, составленная в начале XX века. По ней можно судить, какие сокровища хранились в сгоревшем дотла архиве. В метрических книгах записаны родившиеся на берегах Байкала 100 лет назад люди — фамилии, имена и отчества, возраст и род занятий их родителей, место проживания, а также их воспитатели, т. е. крестные. Из этой книги хорошо видно, как причудливо переплелись здесь русская и эвенкийская кровь и жизнь, как люди не чурались друг друга, а устанавливали связи по крещению, по родству, жили и живут вместе на берегах Богом данного озера.

Попадая сюда, начинаешь понимать, какой была Сибирь до и в начале колонизации, какими чистыми и незамутненными были тайга, вода и воздух. Невольно вспоминается цитата из написанной в безбожное советское время «Утиной охоты» А. Вампилова, нашего талантливого земляка: «О! Это как в церкви и даже почище, чем в церкви...» Жители Старого Уояна, расположенного на реке Верхней Ангаре, рассказывали, что в советское время госпромхоз отправлял на экспорт в Японию семена здешней сосны — так высоко она ценилась. Сейчас на экспорт по БАМу идут круглый лес и нефть.

Красота природы, желание проверить свои силы привлекают туристов-водников. Одни, преодолевая многие километры трудного пути, забрасываются на Байкало-Ленский водораздел и сплавляются опасным, но интереснейшим маршрутом по горным рекам Чуе и Чае. Другие избирают более спокойный сплав по Верхней Ангаре — радуются жизни, ловят рыбу и дышат чистым воздухом. География таких туристов — со всей России и бывшего Советского Союза.

Все эти земли в прежние времена осваивались исключительно кочевыми эвенками двух родов — киндигирского и чильчагирского. Шемагирский род жил оседло на берегу Байкала, но даже шемагирцы не могли усидеть на одном месте и хотя бы несколько раз перекочевывали вдоль берега Байкала на лодках с одного места на другое. Историческая преемственность

***Домашние олени в эвенкийском кооперативе «Улуки».
Фото А. Сириной, июль 2005 г.***

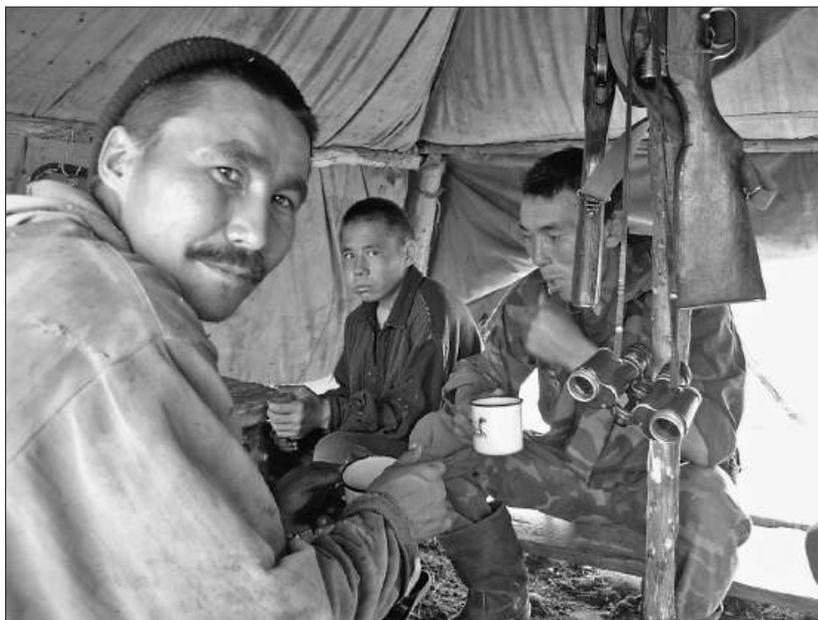
эвенкийского землепользования прослеживается здесь уже с XVII века.

Красота, а главное, богатство этих мест издавна привлекали пришлый люд и предприимчивых людей. Эвенки, которых тогда называли тунгусами, гонялись за пушным зверем, чтобы обменять у купцов шкурки соболя и белки на продукты и товары. Когда знаменитый баргузинский соболь стал иссякать, возникла необходимость в создании соболиного заказника: первый в России был основан в 1916 году на части земель, изъятых из тунгусских кочевий на северо-востоке Прибайкалья. Их родовое управление было в поселке Сосновка. Эти эвенки (точнее, русские писари от лица эвенков) сдавали с торгов купцам и крестьянам нерестовые омулевые реки и участки чернолесья (богатой зверем тайги), арендная плата за которые шла в госбанк на счет родового управления. Бесплатными были продукты и товары, незадолго до революции открылась школа. Этот опыт был едва ли не первым опытом решения проблем землепользования эвенков в условиях усиления давления на природную среду.

Потом случилась революция. Было решено перевести всех эвенков на оседлость, построить для них дома и новые по-

селки. Так возникли села Холодное и Старый Уоян, где живут потомки эвенков киндигирского и чильчагирского родов. Часть эвенков остались оленеводами и охотниками, рыбаками, осевшие в поселках стали работать техниками, санитарками, воспитателями, учителями. Работали, было трудно, и все же то ли потому, что это была молодость, то ли потому, что и вправду так было, прежнее время сегодня вспоминают с долей ностальгии: «Нравилось то, что всех заставляли учиться. Все грамотные были. Хочешь ты идти куда-то учиться — иди дальше. Хочешь ты работать — у тебя вся работа. Ты пойдешь уборщицей или кем-то, одинаково. Например, я санитаркой работала, пусть я крепдешины да шерсть не носила, я прилично одета была. Я детей всех одевала. Они у меня голы не ходили. Я завтрашний день никогда не думала, я завтра все равно получу зарплату, аванс. И дети у меня все в садике, в интернате, и надо будет, и в институт ли куда. А сейчас я не знаю, в своей стране такой страх».

В конце 1970-х годов в тихую жизнь этих мест ворвался БАМ: зарычали вездеходы и трактора, повалили дымы от срубленного и сжигаемого леса, запестрели яркие лозунги, появились но-

Охотники-оленеводы из эвенкийского кооператива «Улуки».
Фото А. Сириной, июль 2005 г.

вые люди разных национальностей — легче сказать, кого тогда не было на БАМе, приехавших кто — за романтикой и запахом тайги, кто — за большими деньгами. БАМ действительно был великой стройкой. Но экологический ущерб от покорения природы не замедлил сказаться. На это нам неоднократно указывали местные жители. Лозунги времен БАМа до сих пор остались кое-где вдоль трассы железной дороги: «Тоннели строят настоящие мужчины», «БАМ — стройка века». А рядом — лозунги-плакаты новейшего времени: «Рынок — он и в Африке рынок». Веселый кочевой народ-строитель, сорванный со своих мест — из городов, деревень и весей, забросив родные места, под громкие лозунги и за большую зарплату готов был бы и северные реки на юг повернуть, да иссякли силы, и споткнулась стройка о Байкал, и осели здесь те, кому некуда было ехать. А может быть, захотелось остаться рядом с такой красотой. Так стала эта земля родиной и для них. Бывшие бамовцы живут в основном в Северобайкальске, новом городе на самом берегу Байкала с населением до 25 тысяч человек. Много! Много людей стало на Байкале. А во времена БАМа было еще больше. Закончилась стройка, не стало работы, многие уехали. А кто-то во времена перестройки стал собирать дары природы, что и помогло выжить. Так почти сравнялось их положение с положением коренных жителей. Люди нуждаются в работе, постоянной, стабильной, созидательной, — на благо своих семей и страны. На сложной ситуации с работой играли представители компании, обещая золотые горы жителям. Как только забрезжила возможность (только возможность!) строительства нефтепровода, вновь оживились безработные люди: новая стройка века, самый длинный в мире нефтепровод. Слишком близко идет к берегу Байкала? Ерунда! Авось пронесет! А у нас будет работа — пусть временная.

В 2005 году северобайкальские эвенки — жители сел Холодного и Уояна — оказались в эпицентре событий. Зачастили к ним то чиновники, то нефтяники, то научные работники. Сооружение нефтепровода планировалось в 300–500 метрах от села Холодного — село попадало в санитарную зону. На несогласованной предварительной стадии работ тяжелая колесная техника прошла по кладбищу. Для местных жителей эта дорога на погост, последний приют их родных и близких; для приезжих промышленников — единственно удобный подъездной путь к объектам строительства. «Мертвым-то покоя нету там в земле», — делилась своими переживаниями 80-летняя эвенкийка бабушка Платонова. Эта стройка, если бы состоялась, грозила разрушить не только природную, но и социальную сре-

ду, культуру людей, зависящих от природы и экономически, и духовно.

Наш социологический опрос показал, что многие жители испытывали беспокойство, тревогу и даже страх от нового мега-проекта. Вот что мы услышали на улицах села: «Если комбинат и трубу сделают, всё повымрет. Эта труба лопнет и в Байкал всё пойдет. <...> И так-то всё загрязнилось, а сейчас еще. Мы тут так и умрем тунгусы»; «Я против. Тунгусы говорят, что все против. Не дай Бог прорвет — всё здесь будет». «Мы-то вымрем потом. Нас так просто бросили на выживание»; «Байкал — это же не речка, стоять будет»; «Не, я против, сразу говорю. Потому что я здесь вырос. Пускай вон там где-нибудь, по той стороне ведут <...> Здесь, конечно, дешевле им обойдется. Но Путин же не дает им, экологию засоряют. Не дай Бог, этот мажут».

По международным и российским законам звенки как коренной малочисленный народ имеют особые права. В частности, право на ведение традиционного образа жизни. Поэтому спрашивают, хоть и формально, их мнение о возможности строительства. 13 июля 2005 года состоялась встреча представителей компании «Транснефть» с жителями села Холодное. Примеров непонимания, разных жизненных кодов, на которые запрограм-

*Бабушка с внуком. Село Холодное.
Фото А. Сириной, август 2005 г.*

Знаток эвенкийской культуры А.П. Лекарев со сделанными его руками «потками» — берестяными ведрами. Село Холодное. Фото А. Сириной, август 2005 г.

мированы люди, было достаточно. Возможно, это объясняется неумением или нежеланием установить диалог с людьми, которые имеют иное мировоззрение, образ жизни и, на взгляд городских промышленников, кажутся безнадежно отсталыми, ретроградными, стоящими на пути прогресса. Вот только один диалог: «Вы же не хотите в лесу жить. Вы хотите прийти домой телевизор включить. Вы хотите цивилизацию...» — говорит представитель компании. Один из местных мужчин отвечает: «Почему не хотим? Мы, наоборот, в лесу живем. Цивилизацию. Мы сейчас посмотрели на эту цивилизацию. Кошмар какой-то». Действительно, дикой должна казаться простому человеку нынешняя «цивилизация» с ее культом наживы и денег, правом сильного, разнузданностью нравов, новым, скрытым колониализмом. Неуважительность проявилась и в частых напоминаниях людям задавать «конкретные вопросы», и в самом тоне встречи. «Вы где работаете на сегодняшний день? Чем питаетесь?» — спрашивает представитель компании. Из зала отвечают: «Да мы безработные здесь поголовно». — «Ну так вот о чем и речь идет. На

сегодняшний день удовольствие доставляет вам то, что вы безработные?» — «Если бы на работу пообещали взять, но маловероятно, что я устроюсь».

Предполагавшаяся квота рабочих мест на нефтепроводе — 40 в год на всех жителей Северобайкальского района. Местные звенки, хотя и тяжело страдают от безработицы (и поэтому, кстати, много пьют), сдержанно и трезво отнеслись к возможности получить работу за счет нефтепровода. На текущий момент им гораздо важнее сохранить чистыми реки, озера, включая Байкал, где они рыбачат, тайгу, где всегда найдут зверя и соберут ягоды и шишки. Люди подчеркивали, что природу, ее реки, охотугодья, ягодники важно сохранить не только потому, что «это наша возможность заработать деньги», но и «потому что они нам дороги», «для нас важны все места и мы не хотим их губить».

В селе после перестройки нет никаких производств. Уже назрела необходимость новых форм хозяйственного объединения. Возможности для этого есть, что показывает самоорганизация людей в общины и кооперативы по типу простейших производственных объединений, колхозов, которые нуждаются в поддержке на государственном уровне. Наиболее яркие примеры — две оленеводческие общины в Холодном, промысловый кооператив «Чильчагир» в Уояне.

Бабушка Лекарева, которая встретила нас не слишком приветливо, потом успокоилась и начала рассказывать про старину. Этот рассказ ясно проводит границу между понятиями «мы» и «они» по отношению к природе — границу, которая вряд ли существовала раньше и наличие которой является знаком предостережения всем нам.

«Эвенки кочевали, они не имели право лишнюю ветку сломать, это грех был, дереву больно делаешь. Определенные у них были стоянки. Они где попало не делали костры, не жгли. Эвенки лес берегли. Это был родной дом. Вот как вот тут вот дома, также тайга была родная. Летом пушнину они не добывали, нельзя было добывать и незачем. <...> Они маток не убивали. <...> Если чужие проезжали через мою территорию, они не имели право никакого зверя убить, ниче. Это закон был. Если он убил зверя по нужде, он должен потом вернуть вот этого зверя этой земле опеть. Чем-то он должен был возместить. Если он втихаря убил, значит, он украл. Вот так вот, моя милая».

Бережное отношение к природе не ушло в прошлое. Многое для его сохранения делает замечательный педагог, который живет в Холодном, местный эвенк Виктор Александрович Ганюгин. Он сам учитель математики, и вся семья у него педагогическая. Виктор Александрович педагог от Бога. Он любит возиться с ре-

***Цистерны с нефтью готовы отправиться на восток.
Станция Уоян. Фото А. Сириной, август 2005 г.***

бятишками и после уроков идет с мальчишками и девчонками в тайгу, учит понимать и уважать природу. Школьники под его руководством высаживают семена кедра и кедровый подрост, знакомятся с повадками зверей и птиц, ведут метеорологические наблюдения, а недавно восстановили тропу Памяти, по которой в 1942–1944 годы несколько эвенков ушли на фронт. Есть в школе и свой очень хороший музей.

В Северобайкальске есть церковь, церковь восстанавливают жители села Байкальского. Душкочанская община пытается восстановить православную церковь Иоанна Предтечи, но средств не хватает. Зато богатые сектанты, занесшие свои версии христианства из Америки, понастроили молельных домов, привлекают людей.

Предки всех здешних эвенков православные, крещеные. Одновременно в их мировоззрении и мироощущении осталось почитание природы, особое отношение к огню. «Огонь всегда кормлю, а как же, в огонь всегда наливаю че-нибудь. Че я одна буду исть, — замечает бабушка Лекарева. — Это раньше рассказывали, тоже умные были люди. Ну один говорит: я пришел к

одним в стойбище, вообще пустили там за каким-то делом. Но хорошо живут, зажиточно, юрта большая. Лег у них ночевать, чай попил да ли че ли, и вот я, говорит, никак не могу уснуть. Гляжу, заходит старуха, то-олстая такая, светлая. А из огня встает худущая старуха, вся смо-орщенная. И вот они сидят разговаривают. „Ой, подружка, до чего же ты худущая, милая моя. Неужели тебя таки богаты не могут накормить?“ — „Какой накормить, они даже суп когда варят, боясь чтоб сплыло“. А эта говорит: „А у меня, хоть не зажиточно живем, у меня хозяйка о-е-ее. Меня чересчур кормит. Она прежде чем себе в рот положить, мне дает“. Так разговаривали. Огонь — это спутник наш. Я без огня куда? Я с ним даже могу разговаривать, с огнем. Я могу его понимать. Он очень даже предсказывает. У него звуки. Какой звук, уже чувствуешь, — хорошо дак хорошо. А если запечалишься, где че я достану да как буду жить, потихоньку так, ласково тебе скажет: не печалься, все будет хорошо».

Весной 2006 года, когда таяла надежда, когда государственная экологическая экспертиза вынесла положительное заключение, разрешающее строительство, огонь, вопреки всему, предсказал хорошее. 26 апреля 2006 года президент России В.В. Путин принял решение отвести опасную нефтяную трубу от Байкала на север. Казалось бы, можно вздохнуть свободно. Но нефтяная труба теперь пройдет через земли кочевых эвенков южной Якутии. Открытым остается вопрос: что будет с природой и с людьми?

МУЗЕЙ НАРОДОВ СЕВЕРА БУРЯТИИ

*Владимир Николаевич Козулин,
директор Музея
народов Севера Бурятии
им. А.Г. Позднякова,
с. Баградин, Баунтовский район,
Республика Бурятия*

В 2006 году Музей народов Севера Бурятии отметил свое 25-летие. Это дает повод подвести некоторые итоги.

В Баунтовском районе Бурятии, единственном в республике эвенкийском районе, в ноябре 1981 года начал работу на общественных началах небольшой краеведческий музей по изучению эвенкийского народа. Это определило главные направления работы — этнография и краеведение. Музей имел около 400 экспонатов основного фонда и ограниченную экспозиционную площадь. В первые десять лет велось строительство, и общая площадь увеличилась в три раза. В 1985 году музей получил нынешнее наименование и звание «народный».

Становление музея было сопряжено со многими трудностями. В его задачу входили поиск и сохранение исчезнувших предметов материальной и духовной культуры эвенкийского народа. Находясь под прессом инокультуры, эвенкийская сдавала одну позицию за другой. В таких условиях роль музея как хранителя культуры эвенков трудно переоценить.

В 1991 году была проведена реэкспозиция, оформлен небольшой выставочный зал. По научно обоснованному плану сформированы разделы экспозиций: «Эвенкийский комплекс», «Природа», «Золотая промышленность», «Великая Отечественная война». Все они дают полное представление об истории эвенкийского народа, включая период коллективизации и перехода на оседлый образ жизни, о названиях родов, об этнических и хозяйственных связях с тунгусоязычными народами Баргузина, Нерчинска и правого Привитимья, о топонимике района, о ритуально-обрядовых комплексах шаманского культа.

В Музее народов Севера Бурятии к настоящему времени накоплено 2 713 единиц основных фондов, в том числе по разделам: живопись — 11 единиц хранения, изделия прикладного искусства — 16, археология — 43, этнография — 202, оружие — 24, документы и редкие книги — 625, естественно-научная коллекция — 823 (вместе с коллекцией геологического музея), история техники — 161, прочие — 808. В число предметов этнографии, сбор и комплектование которых представляет основную трудность, включены эвенкийские костюмы, обувь, головные уборы, берестяная посуда, предметы охотничьего промысла, оленья упряжь и многое другое. На первый взгляд кажется, что коллекция предметов быта и хозяйственной деятельности аборигенов тайги скудна. Но она достоверно отражает кочевой образ жизни и частые кочевки эвенков.

Постоянных экспозиций несколько. Центральное место занимает экспозиция «Золотая промышленность», так как в Баунтовском районе, раньше его называли Баргузинской тайгой, начиная с 1844 года и доныне ведется добыча золота, существенно повлиявшая на таежный быт жителей этого района. В районе функционировало около 500 золотоносных площадей и свыше 250 приисков, а количество официально зафиксированного добытого золота составило более 120 тонн.

Диорама «Тайга». Фото В. Козулина

Композиция «Эвенк-охотник».
Фото В. Козулина

Баунтовский район известен в России не только добычей золота. Это богатый месторождениями полезных ископаемых район. Здесь имеются огромные запасы алюминиевого сырья, молибдена, урана, бурого угля, бериллия, железа, марганца, нефрита, минеральных вод. Все это послужило основанием для открытия геологического музея как филиала. Основал его заслуженный инженер-геолог Республики Бурятия Асканаз Апетович Гамчян, а в настоящее время заведует филиалом геолог Любовь Ивановна Андриевская.

Научные сотрудники музея реконструировали полную картину быта и хозяйственной деятельности эвенков, в частности оформили диораму «Эвенкийское стойбище», две композиции — «Шаман» и «Эвенк в охотничьем снаряжении». Несколько позднее возле музея, под открытым небом, был оформлен павильон-диорама «Эвенкийское стойбище» с двумя чумами и семьей охотника (4 муляжа). Рядом оборудована площадка для демонстрации ритуально-обрядовых комплексов шаманского культа эвенков — шаманский чум с камлающим шаманом как иллюстрация национального праздника Сингкелаун.

Экспозиция «Природа» дает представление о гидрографии, животном и растительном мире Баунтовского района, а останки ископаемых животных (мамонта, бизона, шерстистого носорога и др.) и предметы археологических раскопок, которые производят сотрудники Музея народов Севера Бурятии, существенно обогащают данную экспозицию.

Музей народов Севера Бурятии ведет просветительную деятельность. Музейная педагогика включает спецкурс (расчитан на два года) по краеведению для учителей Эвенкийской школы-интерната. В программе курса — история эвенкийского народа с древних времен до наших дней, история освоения Забайкалья, религиозные верования эвенков, топонимика районов и др. По адаптированному спецкурсу организованы занятия для учащихся старших классов, а также для учащихся профессионального училища. Совместно с Багдаринской средней школой проведена конференция по роману В. Митыпова «Инспектор золотой тайги», повествующему о событиях на золотых приисках нашего района в первые годы советской власти; прототипами романа были жители Баунтовского района. Конференция состоялась в зале «Золотая промышленность», исторические документы, фотографии и орудия старательского труда которого послужили лучшей иллюстрацией к предмету обсуждения, что имело, безусловно, и воспитательный характер. Состоялось пять подобных конференций.

Ежегодно музей формирует три-четыре выставки, приуроченные к значимым районным событиям и юбилейным датам. Школьные экскурсии и конференции в музее стали постоянной формой работы по краеведению и этнографии. В данном случае музейные сотрудники не только представляют участникам конференций архивные материалы для научного исследования, но и рецензируют доклады.

Музейные специалисты приняли участие в научно-практических конференциях Забайкальского филиала Русского Географического общества, Российско-Американского

*Композиция «Шаман».
Фото В. Козулина*

Диорама «Эвенкийское стойбище». Фото В. Козулина

международного симпозиума (Чита, 1995), Международного Байкальского информационно-культурного форума (Улан-Удэ, 2005).

Студенты вузов Бурятии постоянно проходят практику в нашем музее, на архивных материалах которого пишут курсовые и дипломные работы.

В разное время музейные документы изучали ученые и деятели искусств: доктор географических наук Гейл Фондад (Институт арктических исследований) — Канада, Дэвид Андерсен — Канада, кинорежиссер Франц Райле — Швейцария, научный сотрудник Абердинского университета (Шотландия) Иштван Шантле — Венгрия.

Сложилось устойчивое деловое сотрудничество с видными учеными Бурятии — Д.Д. Мангатаевой, Б.Б. Дашибаловым, О.В. Бураевой, Е.Ф. Афанасьевой, чьи исследования углубляют и расширяют представление об этнических корнях эвенков Баунта.

Одним из направлений работы музея является издательская деятельность. За 15 лет вышли следующие книги сотрудников музея: Козулин В.Н. Баунт: прошлое и настоящее; Зотов А.П. Словарь эвенкийских топонимов Баунтовского райо-

на; Гамчян А.А. Багдаринская экспедиция. Выпущено несколько коллективных сборников: художественно-публицистический сборник «Судьба моя, Баунт», посвященный 75-летию Баунта; сборник «Сквозь огонь и стужу мы прошли. Баунтовцы на фронтах Великой Отечественной» (составил А.П. Зотов). В составлении некоторых сборников принимали участие сотрудники не только музея, но и библиотеки, районной газеты «Витимские зори», районного архива. «Баутовские звенки. След на земле» — коллективный труд сотрудников музея и библиотек района. Для школ района издано учебное пособие «Баунтовский эвенкийский район» — об истории района с древнейших времен до наших дней (А.А. Гамчян, А.П. Зотов, В.Н. Козулин).

В 1994 году, накануне объявленного ЮНЕСКО десятилетия коренных народов мира, музей совместно с районной организацией Ассоциации малочисленных народов Севера провел социологический опрос, в котором участвовало 90 % эвенкийского населения. Зафиксированы данные о возрастном составе эвенков, образовании, занятости, семейном положении, знании истории своего рода, языка и пр. По результатам данных исследований проведена научно-практическая конференция с участием ученых и представителей районов Бурятии и Читинской области

Выставочный зал. Экскурсия. Фото В. Козулина

Коллекция геологического музея. Фото В. Козулина

как мест компактного проживания эвенков. По завершении десятилетия коренных народов мира, в 2004 году, был повторно проведен опрос эвенкийского населения по анкете 1994 года. Опрос показал, что основные социальные показатели: низкая трудовая занятость, активная ассимиляция и т. п. — продемонстрировали тенденцию к утрате этнического генотипа. Это подтверждают факты: 70 % браков являются межнациональными и одна треть эвенков знает родной язык. Очевидно, что международная акция не оказала позитивного влияния на положение коренной народности Баунтовского района — эвенков. Напротив, основные социальные показатели имели отрицательную тенденцию, многие проблемы перешли в разряд неразрешимых, а отношение государства к ним, надо признать, носит формальный, декларативный характер.

Изучение опыта лучших российских и зарубежных музеев по сохранению историко-культурного наследия помогает сотрудникам в практике музееведения, в том числе и в критическом отношении к собственной деятельности.

В юбилейный для музея год предстоят многие события и мероприятия: проведение научно-практической конференции «Роль учреждений культуры в сохранении историко-культурного наследия», а также смотра-конкурса на лучшую постановку краевед-

ческой работы в школах и учреждениях культуры; оформление выставки «Эвенкийское народное творчество»; подготовка к изданию записок музея по краеведению и сборника экспедиционных описаний Баргузинской тайги в XIX–XX веках, оставленных исследователями и путешественниками — П.А. Кропоткиным, Г.А. Лопатиным и др.; проведение реставрации павильона «Эвенкийское стойбище» и ритуальной площадки; организация школьных музеев и краеведческих уголков и принятие над ними постоянного шефства.

Музей с благодарностью вспоминает Александра Георгиевича Позднякова, основателя и первого директора музея. Ветеран Великой Отечественной войны, заслуженный деятель искусств Республики Бурятия Александр Георгиевич, будучи пенсионером, по просьбе райкома КПСС и исполкома районного Совета приступил в 1981 году к формированию коллекций и за десять лет подвижной деятельности превратил это учреждение культуры в известное не только в районе, но и в России. Учитывая заслуги А.Г. Позднякова, районный Совет депутатов присвоил его имя Музею народов Севера Бурятии.

Засвидетельствованный наукой факт: при столкновении культур разных народов культура более слабого этноса исчезает, поглощаясь культурой более сильного этноса. Вместе с этим исчезают язык, предметы национальной одежды, предметы быта, фольклор и прочие элементы национальной материальной и духовной культуры. Именно по этой причине музей видит призвание в сохранении и изучении культуры эвенкийского народа, в воспитании чувства уважения к ней и гордости ею.

В октябре 2007 г. в Улан-Удэ прошел традиционный национальный праздник эвенков Бурятии «Больдер». Открывала праздничные встречи конференция **«Коренные народы и промышленное освоение региона»**.

В рамках проведения праздника «Больдер-2007» в художественном музее прошла выставка изделий мастеров народных промыслов, картин молодых художников Севера, а в Этнографическом музее народов Забайкалья был организован фольклорный праздник, на котором эвенки представили традиционные обряды, состязались в национальных видах спорта. Завершился республиканский эвенкийский праздник гала-концертом мастеров народного искусства.

В декабре 2007 г. на базе Института лингвистики Российского государственного гуманитарного университета в Москве была организована конференция **«Полевые исследования студентов РГГУ. По итогам фольклорно-этнографических, этнологических, лингвистических и религиоведческих практик 2006–2007 гг.»**.

Тематика студенческих докладов участвующих в конференции была обширной, в том числе звучала тема эвенков. Е.А. Головки выступила с докладом «Категория инклюзивности / эксклюзивности в чиридинском и экондинском говорах эвенкийского языка». Е.В. Коровина представила доклад «Названия растений в северных эвенкийских говорах: степень сохранности лексического поля». Доклад Н.А. Мамонтовой был по теме «Табу как малый жанр фольклора в современной жизни тунгусско-чунских эвенков».

Сирина А.А. Катангские эвенки. Эдмонтон: «Си Си Ай», 2006. 222 с.

Издательство Канадского циркумполярного института выпустило вторую книгу из серии, посвященной исследованиям жизни северных охотников и собирателей, созданную в сотрудничестве с Байкальским археологическим проектом.

В своей работе А.А. Сирина освещает прошлое и настоящее эвенкийских охотников и оленеводов, живущих в верховьях реки Нижней Тунгуски. Основанная на многочисленных полевых наблюдениях, книга содержит как суждения самого автора, так и дневники местных охотников.

Издание богато иллюстрировано современными и архивными фотографиями, в нем также представлены детальные диаграммы.

Мазин А.И. Традиционные представления эвенков Приамурья об окружающем мире. Благовещенск: Амурский гос. ун-т, 2007. 168 с.

В феврале 2008 года состоялась презентация книги «Традиционные представления эвенков Приамурья об окружающем мире», выпущенной к 150-летию юбилею Приамурья.

В работе на большом фактическом материале рассмотрены традиционные представления эвенков Приамурья об окружающем мире, вселенной, духах-покровителях, идолах-оберегах, их отношении к промысловым животным, человеку, рождению, болезням и т.д. Рассмотрена семантика синкен-удача с божественной силой мусун, которые вкладывались в орнаментацию предметов быта, хозяйственного назначения, искусства, культа. Описаны поверья, запреты, обряды.

Автор книги — известный историк, исследователь культуры традиционных народов Приамурья. Основным представленный в книге материал Анатолий Иванович Мазин собрал в 1970–1980-х годах в тайге на севере Амурской области. Однако в ней много и новых материалов, полученных в течение последних лет, а также интерпретация артефактов, собранных во время экспедиции по

северу Приамурья сотрудниками кафедры религиоведения Амурского государственного университета.

Книга рассчитана на учащихся школ, студентов, учителей истории и специалистов, изучающих народы Северной Азии.

Сафьянникова Т.М. Орнаменты и украшения эвенков. Красноярск: Сибирские промыслы, 2008. 166 с.

Издательский дом «Сибирские промыслы» выпустил вторую книгу эвенкийской мастерицы Тамары Михайловны Сафьянниковой. Новое издание, как и вышедшая ранее книга «Радуга красок сонкана» (Красноярск, 2005), посвящено прикладному искусству северян.

Книга «Орнаменты и украшения эвенков» ценна тем, что каждый желающий может в ней найти для себя интересную информацию об искусстве эвенков. Автор дает подробные инструкции по изготовлению кулонов, национальных сумочек, кисетов, шапок, унтов и многого другого.

Издание красочное, с большим количеством фотографий и рисунков. На всех включенных в книгу фотографиях изображены изделия Тамары Сафьянниковой. Книга адресована учителям, работникам музеев, мастерам прикладного искусства и всем, кто интересуется культурой северных народов.

ЭВЕНКИЙСКИЕ СКАЗКИ***ПОЧЕМУ КАРАСЬ СТАЛ ПЛОСКИМ**

Однажды Сохатый ходил по берегу реки и у самой воды пощипывал сочную траву. Карась увидел Сохатого, подплыл к берегу и давай дразнить:

— Уши длинные, ноги длинные, а в воде не плавает!

Сохатый рассердился, ударил по воде ногой, и Карась на суше оказался.

Карась на суше задыхаться стал, испугался и стал упрашивать Сохатого:

— Пить хочу! Жабры мои засохли. Умираю без воды!

Пожалел его Сохатый и сбросил в воду.

Ожил в воде Карась и опять начал дразнить:

— Уши длинные, ноги длинные, а плавать не умеет!

Сохатый еще больше рассердился и так ударил ногой по воде, что Карась опять на берег вылетел.

И опять Карась начал задыхаться и просить Сохатого:

— Жабры мои засохли! Пить хочу. Умираю. Не буду больше дразнить!

И на этот раз Сохатый пожалел его и сбросил в воду.

Шлепнулся Карась боком об воду и совсем плоским стал.

С того дня Карась очень боится Сохатого. Под водой он построил из травы чум и, когда Сохатый приходит на берег покориться сочной травой, прячется в свой чум и молчит.

ЦЕНА ИГОЛКИ

По тайге кочевал один эвенк с семьей. Имел он жену, ребенка и оленей.

Вот они остановились на берегу большой реки. Оставив семью и оленей, эвенк ушел на рыбалку. Рыбачил далеко от чума. Когда добыл рыбу, возвратился домой. Заходит в чум, видит, что жена его плачет, спрашивает:

— Почему плачешь?

* Печатаются по книгам: Сказки народов Сибири. Красноярск: Витал, 1992; Дети зверя Мааны: Сказки народов Сибири о животных / сост. Э. Падерина. Новосибирск: Новосибир. кн. изд-во, 1988.

Жена отвечает:

— Чангиты всех оленей угнали. Я с ребенком в тайге спряталась, потому не убили.

Муж говорит:

— Ох, как ты меня напугала. Я думал, ты потеряла иголку.

В старинные времена в семье эвенков женщина имела только одну иголку. Если ее теряли, то нечем было шить одежду и вся семья погибала.

Так дорого у эвенков стоила тогда иголка.

ЛЕБЕДЬ И ВОРОН

В давние времена это было, когда Хэвэки создавал все живое на земле. Много птиц уже плавало и летало, много зверей обитало в этих краях. А в один какой-то день Хэвэки сотворил белых лебедей.

Увидел Харги белых лебедей и захотел сотворить свою белую птицу. Долго лепил он белую птицу, но она получалась некрасивой и не умела плавать, и Харги подбросил ее лебедам.

Лебеди увидели белую птицу, подумали, что это тоже лебедь, и приняли в свой род.

Вот прошло какое-то время, и один молодой Лебедь решил жениться. Он собрал весь свой род на свадьбу. Белую птицу Харги тоже позвал.

На столах было много разной еды, но вся она была из травы.

Лебеди едят, а белая птица Харги не может есть траву.

Она пошла к чумам людей, нашла выброшенное мясо и, к большому удивлению лебедей, начала его есть.

Когда лебеди покушали и вышли на поляну танцевать, к ним прибежал маленький Лебедь и сказал, что одна белая птица ест гнилое мясо. Лебеди начали уходить со свадьбы.

А лебединый Вождь пришел к Хэвэки и сказал:

— Один наш Лебедь ел на свадьбе гнилое мясо. Мы не можем держать его в своем роду. Пусть он уходит от нас.

Хэвэки сказал:

— Правильно. Его сделал Харги. Пусть он не будет Лебедем. Пусть он будет Вороном и навсегда покинет род лебедей. За то, что он ел гнилое мясо на свадьбе, пусть с этих пор он будет черным, и пусть всю жизнь очищает землю от гнили.

«Так Ворон стал черным. С тех пор он ест только гнилое мясо — очищает нашу землю и сохраняет природу. И петь Ворон не умеет, а только каркает, потому что его создал злой дух Харги», — так говорят старые люди.

МЕДВЕДЬ И КЕДРОВКА

По тайге бродил медведь. Он был старый и голодный. Медведь искал пищу. Увидела его кедровка и стала над ним насмехаться.

— Дедушка медведь, иди сюда! Здесь орехи! — крикнула кедровка издалека.

Услышал он, что птица зовет его кушать. Пошел к ней. Шел, шел... Вдруг слышит — снова в стороне тот же голос:

— Дедушка, иди сюда! Здесь орехи!

Показалось медведю, что шел он неладно. Изменил путь. Идет на голос. Стал подходить ближе, а кедровка перелетела подальше на новое место и опять закричала:

— Дедушка медведь! Иди сюда! Здесь орехи!

Побежал голодный медведь на призыв, а там ни кедровки, ни орехов.

Понял он, что кедровка обманывала его. Рассердился и сказал:

— Кедровка, ты обманывала меня, так помни: когда будет большой урожай орехов, ты все равно не станешь наедаться. Когда в тайге совсем не родится орехов, ты будешь мучиться от сильного голода и подыхать.

И стали кедровки с тех пор прожорливыми.

ХИТРАЯ ЛИСА И ДЯТЕЛ

Жила в этих краях очень хитрая Лиса. Однажды она пришла в чум к Старикку со Старухой и говорит:

— Детей у вас нет. Я хочу быть вашей дочерью.

Старики приняли Лису. Живет она в чуме один месяц, другой. Лето теплое подошло.

Вот Старик говорит Старухе:

— Надо нам на другой берег перебираться. Летом там сухо, в тайге зверя и птицы много, охотиться будем.

Старики сложили свои вещи в лодку, попросили Лису, чтобы она на другой берег их переправила.

Лиса согласилась перевезти вещи, села в лодку и поплыла. На середине реки она положила весло и поплыла по течению все дальше и дальше.

Старик со Старухой догадались, что Лиса от них убегает, начали плакать.

Дятел увидел, что они плачут, спрашивает:

— Почему плачете?

Старик рассказал Дятлу:

— Лиса попросилась в дочери. Теперь вот надумали переехать на тот берег. Сложили в лодку вещи и попросили Лису перевезти эти вещи, а она села в лодку и уплыла.

Выслушал Дятел Старика и полетел догонять Лису.

Летел Дятел и думал:

— Какая хитрая и вредная эта Лиса! Всегда всех обманывает, за чужой счет хочет прожить. Даже Старика не пожалела. Ну погоди же, Лиса-негодница! Вот догоню — наказать тебя надо. Вот посмотришь, как других обманывать!

А Лисы все не было видно. Далеко успела она убежать.

Долго летел Дятел. Вот догнал Лису и говорит:

— Я долго летел. Устал очень. Разреши в лодку сесть, отдохнуть.

Лиса разрешила Дятлу сесть в лодку.

Сел он в лодку, незаметно дырку в днище продолбил и говорит:

— Вода в лодку течет. Давай к берегу пристанем и починим лодку.

Вот причалили к берегу. Дятел пошел в тайгу смолу собирать, а Лиса в лодке осталась. Принес Дятел одну кору да сучки, а смолу спрятал.

Лисе Дятел сказал:

— Не нашел смолу. Искать как — не знаю.

Лиса сама пошла искать смолу.

Как только Лиса ушла, Дятел засмолил лодку и поплыл к Старика со Старухой.

Прибежала Лиса, начала плакать и кричать, что Дятел лодку с ее вещами украл. Но кто теперь хитрой Лисе поверит?

Дятел приплыл к Старика со Старухой и отдал лодку. Обрадовались они, что Дятел им вернул их добро. Старик за это выковал Дятлу железный клюв и когти, а Старуха сшила красивую красную шапочку.

Вот с тех пор у Дятла клюв крепкий, когти острые, а шапка — красная.

ИГРЫ И РАЗВЛЕЧЕНИЯ ЗВЕНКОВ

*Людмила Георгиевна Чинагина,
методист
Звенкийского
краеведческого музея,
пос. Тура Красноярского края*

Глухариная кость (хорокинги умэкин).

Играет один человек. Берет за концы кость предплечья глухаря и старается, не опираясь ни на что, переломить ее. Если не сможет, то кость передается второму, третьему и т. д. Побеждает человек, сломавший кость.

Чтобы сломать кость, надо знать приемы. А ломать надо так:

левой рукой жать кость влево, а правой одновременно жать вправо.

«Кто перетянет» (тангматкан).

В игре участвуют двое. Они садятся друг к другу, а ноги упираются ступнями. Между ступнями кладут круглую прочную палку диаметром 7–8 сантиметров, длиной 1 метр и упираются в нее. Берутся за нее руками. Потом тянут, стараясь перетянуть друг друга. Кто перетянет, перебрасывает побежденного через голову и считается победителем.

«Любит? Не любит?».

Играют парами девушка и парень. Девушка берет платок и собирает вместе все его углы. Потом предлагает парню взять любой угол, а сама другой рукой тоже берет один угол, и каждый тянет к себе платок за взятые углы. Если платок при этом развернется треугольником, значит, парень любит девушку и должен носом прижаться к ее щеке. Раньше у звенков это было равносильно поцелую, целоваться у них не было заведено. Если же платок развернется не углом, значит, парень не любит, и девушка продолжает играть с другим парнем.

Игра девочек «наперсток спрячем» (уняптунма дякят).

В ней участвует большое количество игроков. Садятся в чуме

Эвенкийские игрушки — кости плюсны и подколенные косточки, изображавшие людей и животных. Художник В. Власов

в кружок, каждый выставляет в круг кулак правой руки. На круг выходит водящая, которой завязывают платком глаза. Один из сидящих в круге прячет в зажатой руке наперсток. После этого водящей развязывают глаза и она ищет наперсток, подходя к любой участнице и разнимая у нее руки. Подойти можно только к трем участницам. Если наперсток будет найден, то водящей становится та девочка, у которой он обнаружен, а водящая садится на ее место. Если наперсток не найдется, то его перепрятывают и водящая продолжает поиски тем же порядком.

Бэюктэдерэ (буквально «охотятся»). В лесу на площадке с воткнутыми в землю ветками дети расставляют «диких зверей» (бабки) и «охотников» (бабки, обмотанные тканью), переговариваясь между собой и окрикивая собак, мальчики стреляют из игрушечных луков.

Мата эмэрэн («гость приехал»). Дети разводят из щепочек костер, вокруг расставляют «людей» (бабки); несколько детей, сидящих вокруг кукол, разговаривают с «гостем», подражая взрослым; иногда играет и один ребенок, разговаривая с собой на разные голоса.

Уринчэдерэ («устраивают стойбище»). Дети расставляют «караван оленей» (в разных местах вокруг площадки — отдельные фигурки этих животных, около каравана и на площадке — «людей») и ведут разговор и перебранку при воображаемой разгрузке каравана и установке чума.

Нулгиктэдерэ (буквально «кочуют»). Дети устанавливают «караван», а вокруг, между деревьями — «оленей» и, подражая взрослым во время кочевки, ведут разговор, окрикивают оленей.

Орокот — игра в оленей. Дети изображают оленей и бегают по тайге; или два мальчика, взяв в руки ветки-«рога», изображают дерущихся порозов до тех пор, пока ветки не сломаются.

Орорду (буквально «в стаде»). Мальчики и девочки расставляют оленей из бересты или раскладывают на земле берестяные головы оленей разного возраста. Каждый олень имеет свою кличку, а дети представляют себя пастухами.

Шамалдирэн (буквально «он шаманит»), шуэнчэкэл («по-шаманить»). Эта игра была распространена на стойбищах, где имелся шаман. Для нее взрослые делали детям маленький бу-

Орокот — игра в оленей. Художник В. Власов

бен, колотушку и давали платок, который «шаман» набрасывал на голову и спускал на лицо. Дети садились в кружок, «помощник шамана» делал вид, что греет бубен, затем передавал «шаману». Он начинал петь, а другие подпевали. Заранее изготавливали духов-помощников, духов-предков и расставляли их вокруг перед игрой.

Уэрэлибгивун (сымские эвенки) — игра в вылавливание предмета. Дети садились в круг плотно друг к другу, ноги сгибали в коленях, руками под коленями передавали друг другу палку или платок. Стоявший в середине старался выхватить предмет, и пойманный с предметом заменял его.

Игра в аркан (подкаменно-тунгусские эвенки). Аркан (*маут*) растягивали по кругу, брались за него обеими руками, стоя лицами внутрь круга. Водящий выходил на середину. Игра заключалась в том, что стоявшие по кругу, перехватывая руками по аркану, бегали то в одну, то в другую сторону. Водящий тоже бегал, стараясь тронуть чью-либо руку, тот, кого он трогал, выходил из игры. Еще одним вариантом игры в аркан была игра, в которой дети пытались заарканить (поймать) колышек, воткнутый в землю, затем своего товарища, а позже — живых оленей.

Хавсидугат (подкаменно-тунгусские эвенки). Игра заключалась в подбрасывании вверх лопаткой «бутылочки» (*лунури*). Деревянная лопатка (*хавсиду*) имела короткую ручку, а *лунури* представляла собой маленькую бутылкообразную деревянную фигурку с пучком подшейного волоса, вклеенным в горлышко. Выигрывал подбросивший большее количество раз.

У ербогачёвских эвенков эта игра называлась **паксиду**. *Лунури* у них заменял мяч, набитый волосом. У них же была игра **килакаткат**, заключающаяся в загоне в ямку деревянного мяча лопаткой (*киликавун*) с длинной ручкой. Выигрывал загнавший большее число раз.